

ВИКТОРИЯ ХОЛТ

ПО ЗОВУ СЕРДЦА

Виктория Холт

По зову сердца

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

1985

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

Холт В.

По зову сердца / В. Холт — Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», 1985

ISBN 978-966-14-6636-3

Замурованная комната в английском особняке раскрыла Аннализе свой секрет... Девушка находит старинный дневник, из которого узнает историю любви женщины, жившей сто лет назад, и карту неведомого острова — оказывается, на краю земли хранятся несметные сокровища. Аннализа отправляется на поиски клада, а находит то, что дороже золота, — настоящую любовь.

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

ISBN 978-966-14-6636-3

© Холт В., 1985
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 1985

Содержание

Буря	6
Дневник Анны Алисы	26
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Виктория Холт

По зову сердца

Victoria Holt

The road to paradise island

© Victoria Holt, 1985

© Jon Paul, обложка, 2014

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2014

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод, художественное оформление,
2014

Буря

В ночь, когда разразилась буря, наш дом, как и многие дома в деревне, пострадал, но именно благодаря этому и случилось то, что случилось. Мне в ту пору было восемнадцать, а моему брату Филиппу двадцать три, и в последующие годы я не раз с волнением вспоминала о сделанном в ту ночь открытии и размышляла о том, как сложилась бы наша жизнь, если бы не буря.

Началась она после периода невыносимой жары, одной из самых сильных в истории, когда температура доходила до девяноста градусов и выше¹ и погода стала чуть ли не единственной темой для разговоров. Это пекло убило двух пожилых людей и одного маленького ребенка; прихожане в церквях молились о прохладе; девяностолетняя миссис Терри, которая после легкомысленной юности и далеко не добродетельной зрелости в семьдесят с лишним лет сделалась весьма религиозной особой, заявила, что Господь Бог решил покарать Англию в целом и Литтл Стэнтон вместе с Грэйт Стэнтоном в частности, уморив скот, иссушив ручьи и не дав достаточно влаги для урожая. Близился Судный день, и в ночь бури даже самые скептически настроенные из нас начали подумывать о том, что миссис Терри, возможно, в чем-то права.

Всю свою жизнь я прожила в старой тюдоровской усадьбе в районе, называемом Грин, где всем заправляла бабушка М. Буква «М» заменяла Мэллори, нашу родовую фамилию, и бабушкой М ее называли, чтобы отличать от бабушки К (бабушки Крессет), ибо со смертью моей матери, которая совпала с моим рождением, Война бабушек уже началась.

«Они обе хотели нас», – серьезно, совсем как взрослый, говорил Филипп, когда мне было четыре, а ему целых девять, и мы чувствовали себя очень важными оттого, что нас так сильно хотели.

Филипп рассказал мне, что бабушка К предложила нас разделить: она заберет кого-то одного, а бабушка М – другого, будто мы были двумя полосами земли, за которые бились генералы. Еще долго после того я относилась к бабушке К с недоверием, потому что самым важным человеком в моей жизни был Филипп. Он всегда был рядом, мой старший брат, мой защитник, самый лучший и самый умный, проживший на пять славных лет больше меня и потому на пять лет опытнее. Бывало, мы ссорились, но разногласия эти только помогали мне еще лучше понять, насколько он важен для меня, потому что, когда он сердился, на душе у меня всегда скребли кошки.

К счастью, предложение нас разъединить вызвало гнев бабушки М.

«Разлучить их? Ни за что!» Издав этот боевой клич, она прямо заявила, что, как бабушка по отцовской линии, имеет больше прав распоряжаться нашей судьбой. В итоге бабушка К потерпела поражение и вынуждена была согласиться на компромисс: раз в год, на летних каникулах, нам разрешалось ненадолго приезжать к ней домой, в Чешир. Кроме того, она получила право время от времени навещать нас, дарить мне платья и матросские костюмчики Филиппу, колготы и варежки нам обоим, делать подарки на Рождество и дни рождения.

Когда мне было десять, у бабушки К случился удар, и она умерла.

«В хорошенькое положение она бы нас поставила, будь у нее свои дети», – как-то заметила бабушка М в случайно подслушанном мною разговоре с Бенджамином Даркином. Старик Бенджамин был одним из немногих, кто разговаривал с бабушкой М на равных. Он мог это себе позволить, поскольку работал в мастерской с двенадцати лет и знал об изготовлении карт больше, чем любой из ныне живущих людей. По крайней мере так говорила бабушка М.

¹ Под 40° по Цельсию. (Здесь и далее примеч. пер.)

«Эту женщину нельзя винить за дела Божьи, миссис Мэллори», – ответил он тогда без упрёка в голосе; и, возможно, из-за того, что он был Бенджамин Даркином, бабушка М не стала спорить.

В Литтл Стэнтоне бабушка М держалась как настоящая помещица, а выбираясь в Грэйт Стэнтон, что происходило в то время ежедневно, она ехала на карете с кучером Джоном Бартоном на козлах и маленьким Томом Терри, который был потомком той самой почти столетней предвестницы несчастий, ныне добродетельной миссис Терри, на запятках.

Филипп лет в восемнадцать, когда он, по моему глубокому убеждению, был умнейшим человеком на всем белом свете, как-то сказал, что люди, которые «добиваются», чаще гораздо больше ценят хорошее в жизни, чем те, кто имеет все от рождения. Этим он намекал на то, что бабушка М родилась не в семье помещиков. Она попросту вышла замуж за дедушку М, благодаря чему и стала одной из Мэллори, которые жили в усадьбе с тех пор, как она была построена в 1573 году. Год мы знали точно, потому что он был выбит на каменной стене над парадной дверью. Однако не существовало Мэллори с бóльшим чувством собственного достоинства, чем бабушка М.

Дедушку М я не знала. Он умер еще до того, как началась Великая битва бабушек.

Деревней бабушка М управляла так же успешно и властно, как и своим домашним хозяйством. Она неизменно возглавляла праздники и ярмарки, поддерживала в форме нашего тишайшего приходского священника и его простоватую жену. Она следила за тем, чтобы люди не пропускали утренние и вечерние службы, а на тот случай, если какие-то неотложные дела этому мешали, составляла специальное расписание, по которому каждый, пропустивший одно воскресенье, должен был обязательно явиться в церковь на следующее. Не стоит и говорить, что мы с Филиппом не пропустили ни одной службы. Каждое воскресенье мы степенно, как и полагается идущим в церковь, шествовали по обе стороны от бабушки М через весь Грин от усадьбы до церкви, чтобы занять свои места на скамье Мэллори рядом с витражом, изображавшим Христа в Гефсиманском саду, подаренным церкви одним из наших предков в 1632 году.

Однако больше всего внимания бабушка М уделяла мастерской. Для помещиков было необычным делом заниматься коммерцией и проводить столько времени в какой-то мастерской, но это была не обычная мастерская.

Это был храм, воплощение славы Мэллори былых времен, ибо Мэллори являлись великими путешественниками и исследователями земли. Они преданно служили своей стране со времен королевы Елизаветы, и бабушка М была убеждена, что страна эта никогда не стала бы великой морской державой без помощи Мэллори.

Один из Мэллори плавал с Фрэнсисом Дрейком. В семнадцатом веке у них было не меньше приключений, но с одним большим отличием. Мэллори отправлялись в плавания не для того, чтобы захватывать корабли врагов, испанцев и голландцев, нет, в путь их гнало непреодолимое желание нанести на карту весь мир, и в первую очередь, самые отдаленные его уголки.

Они, говаривала бабушка М, определили развитие мировой истории, а не только истории Англии. Они упростили навигацию сотням, да что там сотням – тысячам великих путешественников по всему свету. Помощь, которую оказали составленные Мэллори географические карты этим бесстрашным мореплавателям, да и не только мореплавателям, но и землепроходцам, неоценима.

Мастерская находилась на главной улице Грэйт Стэнтон и занимала старинное трехэтажное здание с двумя эркерами на первом этаже по бокам от каменной лестницы, ведущей к парадной двери.

Позади мастерской, с другой стороны двора, располагалось другое здание, в котором размещались три паровые машины. Туда нам позволялось ходить только в сопровождении

кого-то из взрослых. Меня эти машины не особенно привлекали, но у Филиппа всегда вызвали жгучий интерес.

В одном из эркеров стоял большой глобус, раскрашенный в восхитительные синие, розовые и зеленые цвета, которые в детстве меня завораживали. Когда я была маленькой и приходила в мастерскую с бабушкой М, Бенджамин Даркин показывал мне похожий глобус, стоявший в гостиной. Он вращал его, обращая мое внимание на огромные синие моря, разноцветные материки, их границы и не забывая отмечать островки розового – британские владения. Мне представлялось, что глобус этот изготовлен славными Мэллори прошлого, которые избрали благородную профессию изготовления карт, указывающих путешественникам путь.

У Филиппа посещение мастерской вызывало не меньший восторг, чем у меня, и мы часто об этом разговаривали. В нашей классной комнате хранились карты, и когда бабушка М заходила туда, она всегда начинала задавать нам разные вопросы по географии. География была для нас самым важным предметом, и бабушка М не могла нарадоваться нашей любви к ней.

Во втором эркере мастерской висела гигантская карта мира. Это полотно с африканским континентом с одной стороны и Америками с другой являло собою великолепное зрелище. Океан на ней был обозначен ярким синим цветом, а земля – в основном темно-коричневым и зеленым. Наши родные острова, расположенные слева от Скандинавии, формой своей напоминавшей забавного тигра, выглядели чем-то совершенно незначительным. Однако больше всего нас восхищало имя нашего предка, начертанное золотом в правом нижнем углу: «*Джестро Мэллори, 1698*».

«Когда я вырасту, – мечтал Филипп, – у меня будет свой корабль, и я измеряю все моря. И тогда внизу карты будет написано золотом *мое* имя».

Бабушка М слышала его слова, и лицо ее растянулось в счастливой улыбке, потому что это полностью соответствовало ее собственным намерениям. Я догадалась: в ту минуту она в душе поздравила себя с тем, что вырвала внука из лап бабушки К, которая могла попытаться сделать из него какого-нибудь архитектора или даже политика, потому что в ее роду было немало представителей этих профессий.

С годами я узнала кое-что из семейной истории и выяснила, что бабушка М не одобряла женитьбы своего сына на Флоре Крессет. Флора, если судить по портрету, висевшему в галерее, была очень красивой, но хрупкой женщиной, что, очевидно, и стало причиной ее ранней смерти во время вторых родов. Впрочем, в те времена многие умирали во время родов, в том числе и сами дети, так что родить ребенка и выжить, можно сказать, само по себе было поводом для радости. Однажды я сказала Филиппу, что род человеческий продолжается только благодаря крепости женщин, на что он ответил: «Иногда ты говоришь несусветные глупости».

Филипп всегда был человеком более приземленным. Я была мечтателем, романтиком, он же интересовался практической стороной изготовления карт: вычислениями, измерениями. Пальцы его так и тянулись к компасу и другим научным инструментам. У меня все было по-другому. Я думала о том, кто живет в таких далеких от нас местах. Я думала, какой может быть их жизнь, и, глядя на маленькие островки, затерянные в голубых тропических морях, я придумывала самые разные истории о том, как я поплыву туда, стану жить среди этих людей, узнавать их обычаи и быт.

У нас с Филиппом были совершенно разные взгляды на жизнь. Возможно, именно поэтому мы так хорошо ладили. В каждом из нас было то, чего не хватало другому. Несомненно и другое: то, что мы росли без матери (да и без отца, хотя он был жив), сблизило нас еще больше.

Отец, когда привел в дом невесту, занимался семейным делом. Разумеется, его готовили к этому с детства, как и Филиппа. Быть может, если бы мама не умерла, он до сих пор жил бы с нами и занимался бы в основном тем, чего от него ждала бабушка М. Но после смерти жены, нашей матери, дальнейшая жизнь в усадьбе стала для него невозможной. Этот дом хранил слишком много воспоминаний. Хотя, может быть, он невзлюбил ребенка, который занял в этом мире место той, которая была для него гораздо дороже. Как бы там ни было, он решил на время уехать в Голландию, поработать в другой фирме, выпускающей карты... Ненадолго, чтобы прийти в себя после потери жены. Голландия издревле славится своими картографами, и бабушка М тогда посчитала, что поездка туда не только поможет ему пережить горе, но и даст ценный опыт.

Но отец задержался в Голландии и, похоже, не собирался возвращаться. Через какое-то время он женился на молодой голландке, Маргарете, дочери богатого экспортера, и, к большому недовольству бабушки М, присоединился к его делу, оставив благородную профессию составителя карт ради того, что бабушка М презрительно называла «торговлей». У меня были единокровные братья и сестра, но я их никогда не видела.

Одно время ходили разговоры о том, чтобы Филипп переехал к отцу, но бабушка М воспротивилась этому. Я думаю, она боялась, что Филипп может увлечься столь необычным делом, как экспортная торговля. Так и вышло, что мой отец зажил с новой семьей, оставив свою прежнюю семью на попечение бабушки М.

В мой восемнадцатый день рождения, который был в мае, примерно за три месяца до большой бури, гувернантка, учившая меня семь лет, получила расчет, и я поняла, что, раз бабушка М посчитала, что я больше не нуждаюсь в подобных услугах, она собирается начать подыскивать мне мужа. Никто из молодых людей, которых стали приглашать к нам в дом, мне не нравился. Да и во всей этой затее я не видела никакой романтики. Мы были знакомы с Гальтонами из Грэйт Стэнтон, у которых был сын Джеральд. Эта очень богатая семья имела интересы в Лондоне, расположенном в каких-то двадцати милях от Грэйт Стэнтон, не слишком далеко, чтобы старший Гальтон не утратил связи с домочадцами. Джеральд ездил с отцом в Лондон, где они часто оставались на несколько недель. Получалось так, что в деревню они возвращались наездами, да и то ненадолго. Став мужем, Джеральд проводил бы дома мало времени, и тут мне стало понятно, что он не вписывается в мои романтические мечты.

Был еще Чарльз Фентон, сын сквайра Марлингтона, любитель охоты, особенно на лис, и верховой езды, очень веселый человек, готовый смеяться над чем угодно. Он был до того жизнерадостен, что при разговоре с ним поневоле начинало хотеться, чтобы он стал чуточку мрачнее. Мне нравилось бывать в обществе обоих молодых людей, но мысль о том, чтобы провести с кем-то из них всю жизнь, не вызывала у меня восторга.

Бабушка М поучала меня:

– Тебе надо научиться этикету, моя дорогая. Молодая женщина должна рано или поздно делать выбор, и выбирать приходится из того, что есть. Те, кто тянут с выбором слишком долго, часто остаются без ничего.

Но могли ли уши восемнадцатилетней девушки прислушаться к этому грозному предупреждению?

Что было плохого в той жизни, какой я жила тогда?

Впрочем, бабушка М больше беспокоилась о Филиппе. Это он должен был привести в дом жену. Она станет Мэллори, тогда как я, выйдя замуж, лишилась бы этой прославленной фамилии. Я не сомневалась, что бабушка М не без опаски вспоминала появление в усадьбе Флоры Крессет. Верно, она подарила бабушке М внука и внучку, но хрупкость Флоры стоила ей сына, которого, по выражению самой бабушки М, «прибрала к рукам эта голландка».

После второй женитьбы сына она доброго слова не сказала о голландцах.

– Но, бабушка, – напомнила я ей, – вы же говорили, что некоторые лучшие картографы родом из тех краев. Да и первые географы... Сам Меркатор был фламандцем. Подумайте о том, чем мы ему обязаны.

Бабушка М явно разрывалась между радостью, которую всегда испытывала, когда я проявляла интерес к нашему семейному делу, и чувством раздражения, которое охватывало ее всякий раз, когда ей противоречили.

– Это было давным-давно. К тому же именно голландец был первым, кто стал скупать старые черно-белые карты и раскрашивать их, а потом продавать за большие деньги.

– Что с успехом повторяли его последователи, – вставила я.

– Какая же ты упрямая! – бабушка М произнесла это не без удовольствия в голосе и сделала то, что делала всегда, когда чувствовала, что не сможет отстоять свои позиции, – сменила тему.

Бабушку М радовало, что я любила бывать в мастерской. Иногда после уроков в классной комнате мы с гувернанткой отправлялись в Грэйт Стэнтон, где я с большим удовольствием проводила несколько часов в мастерской.

Меня всегда захватывали разговоры с Бенджамином.

Вся его жизнь заключалась в географических картах. Иногда он водил нас с Филиппом в здание, где карты печатали, и тогда только и разговоров было, что о совершенстве современных печатных станков, да о том, как в старину печатники использовали деревянные блоки для, как это называлось, глубокой печати. Глубокой она называлась потому, что краску наносили на деревянные пластины, с которых делали оттиски на бумаге, так что краска немного выступала над поверхностью, как рельефное изображение.

«Сейчас мы используем медь», – гордо сообщал он.

На меня все эти технические подробности нагоняли скуку, но Филипп засыпал его вопросами о различных печатных процессах, пока я, стоя неподалеку, рассматривала висевшие на стенах карты. Большей частью это были копии карт, сделанных в шестнадцатом, пятнадцатом и даже четырнадцатом веке, и, глядя на них, я думала о бесстрашных путешественниках, которые первыми побывали в этих местах и открыли все эти земли.

Филипп проводил много времени в мастерской, а когда ему исполнился двадцать один год и обучение его закончилось, он стал пропадать там дни напролет, работая с Бенджамином и постигая премудрости любимой науки. Бабушка М была счастлива.

Мне не нравилось оставаться в стороне, и Бенджамин чувствовал это. Он, как и Филипп, жалел меня, потому что я родилась девочкой, что лишило меня возможности играть какую-либо важную роль в этом захватывающем деле.

Однажды Бенджамин завел разговор о раскрашивании карт. Он не сомневался, что очень скоро случится какой-нибудь прорыв и мы начнем поставлять на рынок цветные карты.

Он показал мне отпечаток. Это была не карта, а довольно сентиментальная семейная сцена. В цвете.

– Это работа человека по имени Джордж Бакстер, – сказал Бенджамин. – Только посмотрите на эти цвета. Если бы мы смогли так же раскрасить наши карты...

– А почему мы не можем это сделать? – спросила я.

– Он свой метод держал в большой тайне. Но у меня есть кое-какие мысли на этот счет. Я думаю, он использовал набор печатных форм разных цветов. Но для этого нужна правильная приводка. С картами это будет намного сложнее. Понимаете, на карте нельзя ошибиться даже на долю дюйма. Если хоть чуть-чуть сместить цвета, площадь стран получится на мили больше или меньше, чем она есть на самом деле. Это очень сложно.

– Так вы будете раскрашивать от руки?

– Пока да. А там что-нибудь придумаем.

- Бенджамин, я знаю, что делать.
- Знаете, что делать, мисс Анналиса? Поверьте, это не так-то просто.
- Вы думаете, раз это непросто, я не смогу этого сделать? Почему же?
- Ну, вы юная леди.
- Не все юные леди дуры, мистер Даркин.
- Я не это хотел сказать, мисс Анналиса.
- Тогда разрешите мне попробовать.

Закончилось это тем, что мне устроили испытание. Я справилась неплохо, после чего мне дали для раскрашивания настоящую карту. Ах, как же мне понравилось с ней возиться! Эти синие-синие моря... Мой любимый цвет! Работая над картой, я слышала, как волны разбиваются о коралловые берега. Я видела смуглых девушек с цветами на шее и на лодыжках, я видела голых темнокожих детей, бегущих в воду, и длинные каноэ, рассекающие волны. Я перенеслась туда, к ним.

То были дни, наполненные приключениями. Я поднималась в горы и пересекала реки. И все это время думала о тех местах, которые еще только предстояло открыть.

Бенджамин Даркин думал, что я должна уставать от работы, но он ошибался. Чем упорнее я работала, тем больше работа меня захватывала. И у меня все получилось так, как я задумывала. Никто бы не сказал, что я испортила карту неаккуратным раскрашиванием. Изучив мое творение, Бенджамин признал его совершенным.

Мало-помалу я начала постигать искусство картографии. Я изучала старинные карты и интересовалась мастерами, которые их сделали. Бенджамин показал мне копию птолемеевской карты мира, сделанной примерно в 150 году н. э., и рассказал, что даже великий Птолемей учился у Гиппократы, жившего за три столетия до него. Я увлеклась еще больше, и все те волшебные дни проходили в мыслях о далеких местах и людях, которые побывали там много-много лет назад и нанесли их на карты, чтобы потомки могли их найти без труда.

Бабушка М иногда приходила и смотрела, как я работаю. Ее глаза светились от удовольствия. Внуки стали для нее отрадой, ведь они оба погрузились с головой в захватывающий мир карт. О другом она и не мечтала. По натуре бабушка М была человеком деятельным и больше всего любила устраивать жизни других людей, не сомневаясь, что сделает это лучше, чем они сами.

К этому времени она уже решила, что Филипп должен жениться на достойной девушке, которая станет жить в усадьбе и родит новых Мэллори, чтобы было кому продолжать заниматься изготовлением карт в Грэйт Стэнтоне, но чтобы титул сквайра при этом остался в Литтл Стэнтоне. Что же касается меня, она начала понимать, что ни Джеральд Гальтон, ни Чарльз Фентон мне не подходят. Она приняла решение ждать, пока не появится кто-то, лучше вписывающийся в ее представление о соответствии.

Для меня это стало облегчением, дало возможность продолжать предаваться моим умо-зрительным приключениям в мастерской и наслаждаться жизнью в усадьбе.

Усадьба наша была очень интересным местом, хотя, конечно же, человек, здесь родившийся и проживший всю жизнь, был склонен это забывать. Начать хотя бы с того, что здесь водились привидения. На третьем этаже был один темный угол, где здание имело очень необычную форму. Находился он в конце коридора, который обрывался в самом неожиданном месте, как будто строителям надоело работать, и они закончили его, не доведя до конца.

Вечером, когда темнело, слуги не любили ходить по этому коридору в одиночку, хотя сами не могли объяснить почему. Просто того, кто туда входил, охватывало непонятное беспокойство, возможно, из-за разговоров о том, что в усадьбе много-много лет назад якобы замуровали в стену какого-то человека.

Когда я попыталась что-то разузнать у бабушки М, мне было сказано:

– Вздор. Ни один Мэллори не совершил бы подобной глупости. Это было бы крайне вредно для здоровья живущих в доме.

– А монахов иногда замуровывали, – заметила я.

– Так то монахи... К Мэллори это не имеет никакого отношения.

– Но это было так давно.

– Дорогая моя Анналиска, все это сущий вздор. Ступай-ка ты лучше к миссис Гоу да отнеси ей телячьего студня, она опять расхворалась.

Миссис Гоу много лет служила у нас экономкой, а теперь жила с сыном за складом строительных материалов, между Литтл и Грэйт Стэнтонами.

Я всегда восхищалась бабушкой М, которая могла расправиться с замурованными предками так же решительно, как с бабушкой К.

Однако то место в коридоре не шло у меня из головы. Я, бывало, приходила туда ночью, и там меня неизменно охватывало странное чувство, по телу как будто проходил холодок, а однажды мне показалось, будто что-то легонько прикоснулось к моему плечу, и я даже услышала чей-то свистящий шепот.

Я пыталась создать нечто из давних слухов точно так же, как выдумывала коралловые берега, раскрашивая карту.

Я навевывалась на могилу матери и следила за тем, чтобы растущие рядом кусты были ухожены и аккуратно подрезаны. Я часто думала о ней. Мне она представлялась такой, какой ее описывала бабушка К, которая всегда плакала, когда разговор заходил о ее Флоре. Флора была слишком хороша для этого мира, рассказывала ее мать, она была красавицей, нежной, ласковой девочкой. Замуж она вышла в шестнадцать, и Филипп родился через год, так что, когда она умерла, ей было всего двадцать два.

Я смогла сказать бабушке К, как мне жаль, что это из-за меня умерла ее дочь. Подобного нельзя было говорить бабушке М, потому что на это она тут же ответила бы: «Вздор. Ты об этом ничего не знаешь, и потому не тебе об этом судить. Она была слабым существом. Такое случается».

Бабушка К была человеком более сентиментальным. Она говорила, что моя мать добровольно пожертвовала жизнью ради меня. Но от этого мне становилось еще беспокойнее на душе. Нет ничего хуже, чем осознавать, что ради тебя кто-то пошел на огромные жертвы.

Из-за этого я разговаривала с бабушкой К о своей матери куда реже, чем мне хотелось.

Но это не мешало мне навещать ее могилу. Я посадила там розовый куст и розмарин «на память». Я ходила туда тайком, не хотела, чтобы даже Филипп знал о том, как меня мучает совесть за то, что мать умерла из-за меня. Иногда я разговаривала с ней вслух, рассказывала, как я надеюсь, что она счастлива там, где находится, и как мне жаль, что она умерла, производя на свет меня.

Однажды, придя на могилу, я решила принести воды для кустов. Там недалеко была старая колонка с лейкой и кружками. Но только я развернулась и попыталась сделать шаг, как моя нога зацепилась о торчащий камень и я упала. Убедившись, что ничего серьезного со мной не произошло (я лишь слегка оцарапала колени), я хотела встать, но мой взгляд упал на камень, ставший причиной моего падения. Оказалось, это было нечто вроде булыжника, какими выкладывают бордюры.

Заглянув в траву, я увидела, что таких камней там много. Они окружали какой-то участок, должно быть, другую могилу.

Мне стало любопытно. Кто бы еще мог быть здесь похоронен? Я и не думала никогда, что здесь может находиться что-то, кроме могил Мэллори.

Повыдергивав спутавшуюся траву, я убедилась, что не ошиблась: это действительно была могила. Без надгробия. Если бы у нее имелось надгробие, ее, разумеется, давно бы

обнаружили. Но на могиле лежала плита. Плита эта была вся в грязи, и буквы на ней почти стерлись.

Я сходила к колонке и принесла воды. У меня с собой была тряпка, которой я обычно вытирала руки, полив кусты, и, смочив ее, я начала оттирать плиту.

В смятении я отпрянула от могилы и внутри у меня похолодело, когда мне показалось, что на могильной плите начертано мое имя.

«Анна Алиса Мэллори. Скончалась восемнадцати лет, на шестой день февраля, 1793».

Да, меня звали Анна Алиса, а имя на плите было написано раздельно, и Алиса начиналось с большой буквы... И все же сходство поразило меня.

Несколько секунд меня не покидало странное жутковатое ощущение, будто я смотрю на свою собственную могилу.

Какое-то время я стояла неподвижно, глядя вниз. Кем была эта женщина, лежавшая в забытой могиле в окружении мертвых Мэллори?

Вернувшись в усадьбу, я постепенно пришла в себя. Почему кого-то из моих предков не могли звать так же, как меня? Имена нередко повторяются в роду. Анна Алиса. Анна Алиса. Восемнадцать лет. Она умерла примерно в моем возрасте.

В тот день за обедом я сказала бабушке М:

– Сегодня на кладбище я нашла могилу, которую раньше не замечала...

Ее это, похоже, не особенно заинтересовало.

Я посмотрела на Филиппа.

– На ней указано мое имя... Вернее, имя почти такое же, как у меня.

– Да? А я думал, ты одна такая Анна Алиса, – отозвался Филипп.

– На могильной плите указано «Анна Алиса Мэллори». Кто это, бабушка?

– В нашем роду было много Анн. И Алис не меньше.

– А почему меня назвали Анна Алиса?

– Это я тебя так назвала, – сказала бабушка М так, будто этим все объяснялось. – И именно потому, что в роду было так много Анн и Алис. Я решила, что оба этих имени слишком уж распространены, но, поскольку ты Мэллори, я их соединила вместе, вот и получилось что-то необычное, согласишься.

– Как я и говорил, – вставил Филипп. – Единственная и неповторимая.

– Эта могила была заброшена.

– Такое бывает с могилами, когда проходит время.

– Ту женщину похоронили больше ста лет назад.

– Не каждого помнят так долго, – заметил Филипп.

– Это так странно... Найти имя под зарослями травы... Почти такое же, как у меня...

– Нужно сходить туда еще раз, посмотреть, нет ли там Филиппа, – улыбнулся брат.

– Там есть Филиппы. Несколько.

– Да, да, я знаю, у тебя нездоровая привычка читать надгробия, – сказал Филипп.

– Я люблю думать о них всех... Обо всех Мэллори... О людях, которые жили в этом доме до нас... С которыми мы все связаны... О долгой линии наших предков.

– Я рада, что у тебя такое отношение к семье, – твердо промолвила бабушка М, давая понять, что на этом разговор закончен.

Но я не могла выбросить из головы Анну Алису Мэллори. Наверное, не только из-за того, что у нас были почти одинаковые имена, но еще и потому, что она умерла примерно в моем возрасте.

В следующий раз, отправившись на кладбище, я решила очистить могилу от травы и посадить там какие-нибудь цветы. Когда я попросила у одного из садовников саженцев, он почесал голову, сказал, что в это время года цветы не сажают, но дал мне розовый кустик. Я попросила у него и розмарин.

– Все равно не приживутся, – буркнул он.

Сказав себе, что, если не приживутся эти, я посажу другие, я расчистила плиту и посадила в землю саженцы. Теперь могила выглядела совсем по-другому, как будто кто-то помнил Анну Алису Мэллори.

Я часто о ней думала. Скорее всего, она родилась в усадьбе и, несомненно, прожила в ней все свои восемнадцать лет. И еще ее звали так же, как меня. Она могла быть мною.

Она вторглась в мои мысли, и мне даже стало немного страшно.

Анна Алиса умерла в 1793 году, чуть меньше ста лет назад. Интересно, какой была жизнь здесь в те времена? Должно быть, очень похожей на нынешнюю. Жизнь в деревне мало изменилась за последние сто лет. Все великие события происходили где-то далеко, во внешнем мире. Во Франции тогда бушевала революция, а в год смерти Анны Алисы были казнены король и королева Франции.

Никто из тех, кто был знаком с Анной Алисой, не мог дожить до наших дней. Даже миссис Терри еще не было на свете, когда умерла эта девушка, хоть она и родилась вскоре после этого. Миссис Гоу было семьдесят девять, и она могла слышать какие-то рассказы от своих родителей. Те, вероятно, знали Анну Алису.

Наведавшись в очередной раз к миссис Гоу, я решила поговорить об этом.

Когда миссис Гоу было двадцать восемь, у нее умер муж. После этого она устроилась в нашу усадьбу экономкой и проработала здесь сорок лет. Семья Гоу, по выражению самой миссис Гоу, была «на голову выше» нашей местной рабочей общины. Гоу долгое время держали собственное дело. Они занимались строительством и плотничными работами, обслуживали не только Литтл и Грэйт Стэнтон, но и всю округу.

Миссис Гоу, как и все Гоу, всегда держалась с некоторым превосходством. Они как будто должны были постоянно напоминать окружающим, что сделаны из другого теста и выше простых смертных.

У меня до сих пор сохранились детские воспоминания о миссис Гоу: горделивая осанка, полная достоинства фигура в платье из черного бомбазина. И у Филиппа, и у меня она вызывала благоговейный страх.

Даже позже я всегда подчинялась ей. Однажды я спросила у бабушки М, почему даже она относится к миссис Гоу с таким почтением.

– Что такого особенного в миссис Гоу? Почему мы должны ее слушаться?

– Она хорошая экономка.

– Иногда она ведет себя так, будто вся усадьба принадлежит ей.

– Хорошие слуги преданы дому господ. – Задумчиво помолчав минуту, она продолжила так, будто сама начала удивляться: – Гоу всегда уважали в этом доме. Они не бедны... Нам повезло получить такую женщину, как миссис Гоу. Нельзя забывать, что она не зависит от своего места, как многие другие.

Все это явно было неспроста. Бабушка М всегда постоянно что-то дарила миссис Гоу. Причем не обычные подарки, которые хозяева, как правило, дарят бедным слугам, например, одеяла, уголь на Рождество или нечто подобное. Нет, этого бы она не приняла. Миссис Гоу получала связку фазанов, студень из телячьей ножки... Такие подарки дарят друзьям... Или почти такие. Миссис Гоу не принадлежала к сословию джентри, но не принадлежала и к сословию слуг. Она уверенно занимала некое промежуточное положение. В конце концов, ее свекор и муж, когда были живы, считались прекрасными мастерами, и Уильям Гоу, ее единственный сын, сейчас владел процветающим предприятием.

В надежде узнать что-нибудь об Анне Алисе я решила навестить миссис Гоу.

Вручив ей марципановые пирожные (я знала, что миссис Гоу любит их, и специально попросила нашу кухарку приготовить это лакомство), я села в кресло рядом с кушеткой река-

мье, на которой возлежала миссис Гоу, и начала осторожно подводить разговор к интересующей меня теме.

Я сказала:

– На днях я ходила на кладбище к могиле матери.

– Бедный ангелочек, – вздохнула миссис Гоу. – Никогда не забуду тот день, когда она покинула нас. Как давно это было?

– Уже восемнадцать лет, – ответила я.

– Я всегда говорила, что она не справится. Слишком хрупкой бедняжка была... Наша красавица. Он любил ее без памяти.

– Вы говорите о моем отце? Вы, должно быть, помните, что было очень-очень давно, миссис Гоу.

– У меня всегда была отменная память.

– На кладбище я нашла могилу. Заброшенную и забытую могилу. Я немного расчистила могильную плиту и увидела на ней имя, почти такое же, как у меня. Анна Алиса Мэллори. Она умерла в 1793 году в восемнадцать лет.

Миссис Гоу поджала губы.

– Давно это было.

– Почти сто лет назад. Я подумала, может, вы что-то слышали о ней?

– Мне еще не сто лет, мисс Анналис.

– Но у вас такая хорошая память. Вдруг кто-нибудь вам что-то рассказывал о ней.

– До свадьбы с Томом Гоу я жила не здесь.

– Может, кто-то в семье упоминал о ней?

– Мой Том был старше меня, но и он родился только в 1808 году, то есть через много лет после ее смерти. Но забавно, что вы назвали именно этот год. Я часто слышала, как в семье о нем говорили.

– Год?

– Когда, вы сказали, она умерла? В 1793-м? Как раз в том году мы начали свое дело. Эта цифра стоит на стене склада Гоу. Там написано: «Дата основания – 1793». Да, так и написано. Я эту надпись видела много раз. Выходит, это случилось в одно и то же время.

Я приуныла. Миссис Гоу гораздо больше интересовали достижения семейства Гоу, строителей и плотников, чем моя могила и лежавшая в ней Анна Алиса. Она принялась не спеша рассказывать о том, каким занятым человеком был ее сын Уильям, и о том, что он собирался передавать семейное дело своему сыну Джеку.

– Нужно, чтобы они чувствовали ответственность. Так говорит Уильям. Человек, который за что-то отвечает, понимает, что такое надежная, хорошая работа, мисс Анналис. Все знают, что лучше Гоу работников не сыскать. Хотела бы я увидеть того, кто станет с этим спорить.

Я начала понимать, что вряд ли смогу что-то узнать от миссис Гоу, и решила попытаться счастья с миссис Терри.

Ее я застала в кровати.

– Ах, это вы, – сказала она, и ее жадные глазки устремились на корзинку у меня в руках. – Жара все не спадает? – Она покачала головой. – Они сами в этом виноваты. Вы знаете, что в прошлую субботу они плясали в амбаре? Представьте только! Всю ночь, до самого воскресенья. Чего же еще ожидать-то? А потом они еще спрашивают меня: что будет с засухой? Что будет со скотом? Что будет с травой, которая вся пожухла?

– Почему они спрашивают об этом вас, миссис Терри?

– И то правда, почему? Им бы лучше к себе в душу заглянуть, а не меня спрашивать. Это кара Господня, и будет еще хуже, ежели они не образумятся. Покайтесь, говорю я им, пока есть время.

– Вы что-нибудь знаете об Анне Алисе Мэллори?

– А? Что? Но это же вы, разве нет?

– Нет. Я Анна Алиса. А это Анна Алиса... Два разных имени.

– Я всегда удивлялась, что вам дали такое нелепое имя. И почему нельзя было назвать вас просто Анной или Алисой, как всех остальных? Зачем нужно было смешивать два имени в одно? В усадьбе жило много Анн. И Алис.

– Но я спрашиваю о двойном имени. Анна Алиса.

– Нет, не припоминаю, чтобы слыхала такое.

– Вы прожили девяносто лет, миссис Терри. Удивительно!

– А все потому, что Бог любит благочестивых.

Ей все же хватило такта опустить глаза. Благочестие миссис Терри существовало всего лишь лет двадцать, и я слышала, что после смерти Джима Терри (и даже при его жизни, когда он уезжал) она была не чужда того, что в наших краях называли «немного лишнего», и занималась она этим субботними вечерами и даже в собственном коттедже.

– Конечно, вы правы, – промолвила я с самым невинным видом, как будто никогда и не слышала о ее тайных похождениях, ведь я не хотела, чтобы у нее испортилось настроение. – На кладбище я нашла одну могилу. Могилу Анны Алисы Мэллори. Это имя очень похоже на мое, и меня даже пробрала дрожь от мысли, что, когда я умру, моя собственная могила будет выглядеть точно так же.

– Только глядите, чтобы Господь не призвал вас со всеми грехами. Покайтесь.

– Я об этом как-то не думала.

– В том-то и беда. Современная молодежь никогда ни о чем не думает... Я взяла со своей Дейзи слово, что, когда я уйду, она пришлет священника, чтобы он помог мне перейти в мир иной... Не то чтобы я без этого не обошлась...

– Что вы, миссис Терри! Конечно же, вы попадете на небо! Я знаю, за вами пришлют ангелов, и они сопроводят вас туда.

Она закрыла глаза и кивнула.

Я почувствовала острейшее разочарование. Похоже, никто ничего не знал о моей Анне Алисе. И все же от ее смерти до рождения миссис Терри прошло не так уж много времени. Она была нашей, местной уроженкой и прожила здесь всю жизнь. Не может быть, чтобы никто о ней никогда не вспомнил. Мне еще не встречался ни один житель деревни, которого не интересовало бы, что происходит в усадьбе.

– Миссис Терри, – сказала я, – леди в той могиле умерла почти перед самым вашим рождением. Неужели при вас никто о ней никогда не упоминал?

– Нет. Об этом не говорили.

– Не говорили? Вы имеете в виду, что это была запретная тема?

– Нет, не знаю ничего такого.

– Может быть, в вашем детстве кто-то хоть что-нибудь о ней рассказывал?

– Они рассказывали о Гоу. Вот о ком они всегда говорили. Какие Гоу гордые да неприступные... Как они завели собственное дело... Вот о чем у нас были разговоры. Моя мать говорила: «Вы только посмотрите на миссис Гоу. Видели ее красную шляпку? А как она в церковь заходит? Леди из себя корчит! А кем они были еще несколько лет назад? Да никем... Как и все мы».

– Да-да, – вставила я несколько нетерпеливо. – Мы знаем, какими были Гоу.

– Но так было не всегда... Как я слышала.

– Они уже давно занимаются своим делом. Еще с 1793 года, так у них на стене склада написано. Я это видела недавно. Как раз в том году умерла эта леди.

– Кое-кто, подзаработав денег, начинает мнить себя выше нас, простых смертных.

– Так вы не помните...

Миссис Терри сказала:

– Был один разговор... Нет, не могу припомнить. Что-то про одну леди из усадьбы. Кажется, она умерла совсем молодой.

– Да, миссис Терри, да.

Старуха пожала плечами.

– Вы должны что-то помнить, – быстро прибавила я.

– Не знаю. Люди умирают. Нужно только надеяться, чтобы перед смертью у них было время покаяться.

Она вздохнула и снова заговорила о семье Гоу.

– Неправильно все это было. Тогда об этом много говорили. Эти Гоу такими уж святошами себя выставляли. Я еще помню... Тогда-то я еще совсем девчушкой была... Его поймали. Как бишь его звали? Вот ведь голова дырявая. Том, кажется. Том Гоу. Его поймали на горячем, с фазаном за пазухой... на чужой земле. Ну и потащили в суд. И чем же закончилось? Гоу идут к хозяину, и никто оглянуться не успел, а браконьер Гоу уже расхаживает на свободе да знай нос задирает. Его просто отпустили и все. Как вам такое, а? Кому-то, значит, можно, а кому-то нельзя. Неправильно это. Не по-людски. Похоже, хозяин ради этих Гоу готов был на все.

– Наверное, это было много лет назад, – сказала я, теряя терпение, потому что мне было неинтересно слушать про успехи Гоу.

– Как я говорила, – продолжила она, – я в ту пору была совсем маленькой... Но так всегда было. За спиной Гоу всегда стояла усадьба. Такие ходили разговоры.

– Что ж, и очень хорошо. Я думаю, за это ими должны были восхищаться.

– Им помогали... Так люди говорили.

– А еще люди говорят: на Бога надейся, а сам не плошай. Вы должны это знать, ведь вы-то лучше знакомы со Всевышним, чем все мы.

Ирония осталась незамеченной. Миссис Терри глубокомысленно кивнула и промолвила:

– Это верно.

После этого, смирившись с тем, что от нее ничего не добиться, я ушла.

Об этом разговоре я рассказала Филиппу.

– Почему ты ею так заинтересовалась? – спросил он. – Только потому, что ее имя похоже на твое?

– Я что-то чувствую.

Филипп всегда с насмешкой относился к мои чувствам. И сейчас рассмеялся.

– Не хочешь покататься? – спросил он.

Я любила верховые прогулки с братом, поэтому с готовностью приняла приглашение, но все равно Анна Алиса не покидала моих мыслей. Я продолжала думать о загадочной юной женщине, покоившейся в заброшенной могиле.

Жара усилилась. Воздух застыл и как будто наполнился ощущением надвигающейся беды.

Все говорили: в такую жару невозможно работать, в такую жару невозможно двигаться и даже дышать.

Но скоро жара спадет, говорили они. Боже, как нам нужен дождь!

Я же окончательно упала духом оттого, что все мои попытки узнать хоть что-нибудь о женщине, которая преследовала меня в снах, оборачивались разочарованием. Миссис Гоу была слишком молода, чтобы что-то помнить, а миссис Терри снедала такая зависть к Гоу, что она попросту не могла сосредоточиться на деле. Где еще искать? К кому обращаться за помощью?

Да и зачем мне все это? Почему мне казалось таким важным узнать что-то о той, что носила имя, похожее на мое, и умерла примерно в моем возрасте? Почему я все время думала о ней? Она как будто постоянно находилась рядом со мной. Филипп говорил, что для меня обычное дело с головой уходить в какие-то непонятные материи. Какая разница, что случилось с этой девицей? Она ведь давно умерла, верно?

Мне казалось, что она умерла несчастной. Я чувствовала это, ощущала и в доме, и рядом с ее могилой. Почему ее могилу забросили? За остальными могилами ухаживали, а эту как будто специально хотели забыть.

В то утро было слишком жарко для прогулок или катания, поэтому я вышла в сад, нашла тенистое место, села в кресло и стала слушать жужжание пчел. Лаванду к этому времени уже почти всю собрали, набитые ее высушенными цветками мешочки уже были разложены по комодам и шкафам, поэтому маленькие трудолюбивые насекомые деловито летали над голубыми цветочками вероники. Я лениво провела взглядом стрекозу, пролетевшую через пруд, над которым навис, словно взмывая в воздух, каменный Меркурий. В воде блеснула золотом рыбка. Все вокруг было неподвижно, как будто сама природа напряглась в ожидании.

Затишье перед бурей, подумала я.

Жара продолжалась весь день. После обеда мы остались сидеть за столом. Бабушка М сказала, что по такому пеклу не поедет в Грэйт Стэнтон. Я согласилась.

Спать легли рано. Душная жара сделала сон почти невозможным. Буря началась около двух часов ночи. Я тогда едва начала дремать и проснулась, как только раздался первый яростный раскат грома – мне показалось, прямо у меня над головой. Я села в кровати. Значит, давно собиравшаяся буря наконец разразилась.

Вспышка молнии на миг осветила комнату, и тут же последовал новый оглушительный удар грома.

Казалось, небо охватил огромный пожар. Никогда еще я не видела такой грозы. Услышав шум в доме, я решила, что встал кто-то из слуг.

Грозы были нечастым явлением и всегда быстро заканчивались, но на этот раз буря бушевала прямо над нами и вспышки следовали одна за другой.

Я встала, взялась за платье и туфли, и, как только я надела их, раздался самый громкий из всех ударов. Сердце чуть не выскочило у меня из груди, я замерла, втянув голову в плечи.

Потом снова загрохотало... Прямо наверху. Как будто на дом вывалили кучу тяжелых камней.

Я выбежала в коридор и чуть не столкнулась с Филиппом.

– Молния во что-то попала.

– В дом?

– Не знаю.

Новый удар. Потом еще один и еще.

Появилась бабушка М.

– Что произошло? – спросила она.

– Пока не знаем, – ответил Филипп. – Кажется, молния ударила в дом.

– Так давайте выясним!

Прибежали несколько слуг.

– Мистер Филипп думает, что в нас могла попасть молния, – объявила им бабушка М. – Не нужно бояться. Наверняка ничего страшного не произошло. Скоро мы все выясним. Ох!

Прямо над нами снова раздался жуткий треск.

– Филипп... и вы, Дженнингс. – Он указала на только что появившегося в коридоре дворецкого. – Сходите посмотрите. Как думаете, куда могла ударить молния?

– Думаю, в крышу, миссис Мэллори, – предположил дворецкий.

– Значит, где-то в дом льется вода, – заметил Филипп. – Нужно поскорее найти это место.

Я слышала, как дождь хлестал по окнам, когда Филипп и остальные бросились вверх по лестнице.

Мы с бабушкой М последовали за ними.

Наверху раздался крик. Кричал Филипп.

– Крыша пробита!

В воздухе чувствовался запах гари, но ничто не горело. Наверняка дождь быстро погасил огонь. По коридору текла вода.

Бабушка М была спокойна и держалась хозяйкой положения. По ее указанию были принесены всевозможные сосуды и емкости, чтобы ловить дождь. Поднялась такая суматоха, что про саму бурю все и позабыли, хотя гром продолжал греметь.

Впрочем, у одной из горничных началась истерика.

– У нее всегда такое бывает во время грозы, – пояснила мне другая горничная. – Это из-за того, что, когда ей было пять лет, тетушка запирала ее в шкафу и говорила, что гроза бывает, когда Бог сердится и хочет наказать мир...

Две горничных ушли успокаивать истеричную компаньонку.

Дженнингс с таким же невозмутимым видом, как и бабушка М, осмотрел повреждения и вынес вердикт:

– До завтрашнего утра ничего сделать нельзя, миссис Мэллори. А потом придется звать Гоу.

Неистовство продолжалось еще час, мы все это время бегали с ведрами дождевой воды и пытались спасти дом от дальнейших повреждений. Все с облегчением вздохнули, когда дождь прекратился и вода начала литься в посуду уже не потоками, а струйками.

– Ну и ночь! – сказал Джон Бартон, который пришел из конюшни помочь.

– Не волнуйтесь, миссис Мэллори, – спокойным тоном произнес Дженнингс. – Все не так плохо, как мне показалось сначала. Я схожу к Гоу, как только они откроются.

– Хорошо. А теперь, – объявила бабушка М, – нам нужно согреться. Чем-то по-настоящему горячим. Думаю, пунш будет в самый раз. Дженнингс, будьте добры, займитесь этим. Семье, пожалуйста, организуйте в моей гостиной и проследите, чтобы на кухне накрыли.

После этого мы отправились в бабушкину гостиную, стали пить горячий пунш, прислушиваясь к отдаленным раскатам грома, и говорить друг другу, что эту ночь мы не скоро забудем.

Утром явился Уильям Гоу, чтобы оценить повреждения. Он сообщил, что на нашей улице еще в один дом ударила молния. Люди говорили, что такой грозы не бывало уже лет сто.

Уильям Гоу довольно долго пропадал на крыше и спустился с озабоченным видом.

– Все хуже, чем я думал, – объяснил он. – Придется поработать... И не только с крышей. Вы же знаете, миссис Мэллори, как трудно подобрать черепицу для старых домов. Она должна быть старой и одновременно крепкой. Но дело не только в черепице. Деревянные части кое-где тоже повреждены. Их придется заменить.

– Хорошо, мистер Гоу, – ответила бабушка М. – Скажите, что нужно.

– Я хочу осмотреть панели на стенах в той части, где пробило крышу. Возможно, некоторые придется заменить, иначе они со временем загниют и отвалятся.

– Осмотрите там все хорошенько, а потом решим, что делать, – сказала бабушка М.

Все утро Уильям Гоу ползал по коридору, простукивал и осматривал стены.

Я тем временем прошла по деревне. Многие деревья и кусты поломало и вырвало ветром и дождем, но в воздухе стоял запах свежести. Повсюду виднелись лужи, и казалось, что вся деревня высыпала на улицы в ожидании новостей.

Я не удержалась и сходила к миссис Терри. Она восседала на своей кровати с видом древней пророчицы.

– Что за буря! И поделом им. Я всю ночь просидела в кровати, говоря: «Господи, пусть они увидят твой гнев! Ведь это единственный способ вразумить этих грешников».

Тут я вспомнила о горничной, которую запирали в шкаф и пугали гневом Божьим, и мне вдруг подумалось, что набожные люди в своем рвении могут сотворить немало зла.

– Не сомневаюсь, что Всевышний был благодарен за совет, – не удержалась я от колкости.

– Говорят, молния поразила усадьбу, – продолжила миссис Терри, не обратив внимания на мое замечание. – В крышу угодила, верно? – Мне показалось, что я уловила в ее голосе нотки разочарования оттого, что ущерб оказался небольшим. – Еще Картеры пострадали. В их дом тоже попала молния. И правильно, а то шляются тут по всей деревне, не знают, чем заняться. Вы слышали, что они своей Амелии купили золотую цепочку да еще с медальоном? В ее-то возрасте.

– Вы считаете, то, что они любят гулять и купили золотое украшение – это достаточный грех, чтобы их настигла расплата в виде разрушенного дома?

– Не знаю. Каждый получает то, что заслуживает. Так в Библии и написано.

– Правда? Где именно?

– Не важно где. Просто написано, и все.

– Что ж, я рада, что вам удалось выжить, миссис Терри.

– О, я знала, что со мной ничего не случится.

– Особое небесное покровительство. Но и благочестивые люди не всегда спасаются.

Вспомните о святых и мучениках.

Но миссис Терри не дала себя втянуть в спор об этом теологическом противоречии.

Она просто пробормотала:

– Будет им урок... наверное.

Вернувшись в усадьбу, я поднялась наверх, узнать, как продвигается дело у Уильяма Гоу.

Встретила я его в коридоре, в том самом «недобром» месте с привидениями.

Он сказал:

– Не нравится мне вот эта стена, мисс Анналис. Здесь просачивается влага. Вот, взгляните. – Он прикоснулся к стене и прибавил: – Это небезопасно.

– Что вы предлагаете?

– Думаю, нужно эту стену снести. Я вообще не понимаю, для чего она здесь. И обшивка на ней, если присмотреться, отличается от остального коридора.

– Если вы считаете, что так лучше, бабушка наверняка согласится с вами.

Он постучал в стену и покачал головой.

– Хм. Странно. Поговорю с миссис Мэллори.

Было много разговоров о том, что придется восстанавливать после бури. Ущерб оказался не слишком большим, но, как всегда бывает в таких случаях, работы потребовалось больше, чем можно было предположить вначале. Самым важным было починить крышу, ею и занялись в первую очередь. Когда с ней было покончено, Уильям Гоу и его люди взялись за внутреннюю часть дома.

Меня очень интересовала стена, которую они собирались сносить, ведь она находилась в коридоре, который кое-кто из слуг считал плохим местом, а у меня самой всегда вызывал

непонятное ощущение тревоги. Поэтому в тот день, когда они взялись за нее, я осталась дома.

Я специально поднялась наверх, чтобы наблюдать за работой, и поэтому оказалась первой, кто вошел в ту комнату.

Никто не мог поверить своим глазам.

Когда стена обрушилась, в воздух взметнулись клубы пыли и штукатурки, но то, что было за ней, нельзя было не увидеть: настоящая комната, как будто ее только что оставили, чтобы вернуться в любую минуту.

Уильям Гоу воскликнул:

– Первый раз такое вижу!

Его помощник пролепетал:

– Святые угодники!

Я же разинула рот и какое-то время не могла произнести ни звука от охватившего меня величайшего возбуждения.

Потом я закричала:

– Так здесь действительно была замурованная комната! Вот это да! Наверняка ее неспроста замуровали.

Я сделала шаг вперед.

– Осторожнее, – сказал Уильям Гоу. – Это место было закрыто Бог знает сколько лет. Там застоявшийся воздух, лучше подождать немного, мисс Анналиса.

– Подумать только! – продолжала изумляться я. – Как будто кто-то только что вышел отсюда.

– Осторожно, пыль, мисс Анналиса. Можете запачкаться. Давайте подождем, пусть туда войдет свежий воздух. Билл, нужно будет снять остатки стены. Никогда не видел ничего более странного.

Меня всю колотило от желания войти в таинственную комнату, и все же мне удалось на полчаса унять нетерпение. В ожидании я стала расхаживать туда-сюда по коридору, то и дело спрашивая, когда можно будет входить. Наконец Уильям Гоу сказал, что пыль осела и свежий воздух проник внутрь. Мы вдвоем вступили в комнату.

Помещение было небольшим, поэтому, наверное, его и удалось спрятать. Здесь имела кровать с занавесками из голубого бархата, во всяком случае, мне они показались голубыми, из-за слоя пыли судить было трудно. Пол покрывал темно-синий ковер. У стен стояли небольшой комод, два стула и туалетный столик. На одном из стульев лежал кружевной платок и пара перчаток. Я в изумлении воззрилась на них. Создавалось такое впечатление, будто кто-то жил в этой комнате до самой последней минуты, когда было решено ее замуровать, и ее обительница попросту не успела взять платок и перчатки. То, что это была женщина, не вызывало сомнений, если, разумеется, эти вещи принадлежали ей. Да и вообще в комнате чувствовалось что-то женское. Туалетный столик был накрыт салфеткой с оборочками, а на ней лежало зеркальце с ручкой, как будто его только что туда положили.

Уильям Гоу стоял рядом со мной.

– Здесь когда-то было окно, – промолвил он.

– Конечно. Как же может быть комната без окна?

– Его заложили, – прибавил он. – И, похоже, делали это в большой спешке.

Я повернулась к нему.

– Как странно, – сказала я. – Зачем понадобилось так замуровывать комнату?

Он пожал плечами. Уильям Гоу не отличался богатым воображением.

Я продолжила:

– И почему сначала не вынесли мебель?

Он не ответил. Его взгляд зацепился за что-то посреди деревянных обломков недавно разрушенной стены.

– Что там? – спросила я.

– Знак.

– Какой знак?

– Клеймо мастерской Гоу.

– Где?

Он показал. Это было изображение сидящей белки с орехом в лапках и поднятым пушистым хвостом.

Увидев мой вопросительный взгляд, он пояснил:

– Кто-то из Гоу устанавливал панель, которой замуровали комнату. Наверное, мой дед. Он всегда ставил этот знак. Мы до сих пор так клеймим свои деревянные изделия. Это семейная традиция.

– Да, пожалуй, так и было. Ваша семья уже несколько поколений плотничает здесь.

– Поразительно! – сказал Уильям Гоу.

Мне подумалось, что это еще мягко сказано, но значок меня не сильно заинтересовал, поскольку в голове моей роились другие не менее увлекательные вопросы: кто жил в этой комнате? Почему ее так поспешно покинули и посчитали необходимым скрыть от глаз? Удалить комнату из дома не так-то просто. Существовал лишь один способ добиться этого – замуровать ее. Сделать так, будто ее никогда и не существовало вовсе.

Рассказ о том, что произошло, привел бабушку М в недоумение. Я снова пошла наверх с ней и Уильямом Гоу осматривать комнату. Больше всего ее удивило то, что, прежде чем закрыть комнату, из нее не вынесли мебель. «И почему, – удивлялась она, – они просто не заперли ее, если не хотели больше ею пользоваться?»

– Мэллори иногда вели себя очень странно, – продолжила бабушка М, как бы незаметно отмежевываясь от семьи, что случалось крайне редко. Лишь в тех случаях, когда всплывали их какие-то неблагоприятные деяния, она временно исключала себя из их рядов.

– Наверное, была какая-то причина, – предположила я.

– Этого мы никогда не узнаем, – ответила бабушка М. – Так, что теперь делать? Я думаю, сначала нужно осмотреть мебель. Ты говорила, здесь когда-то было окно? Можно его вернуть. А мебель... Наверное, простояв столько лет взаперти, она безвозвратно испорчена. Интересно, как давно эту комнату замуровали? По крайней мере при мне она всегда была закрыта. Но ничего, мы тут быстро порядок наведем.

Вмешался Уильям Гоу:

– Прошу прощения, миссис Мэллори, но день-два в комнату лучше не входить. Нужно впустить в нее воздух. Это может быть опасно для здоровья...

– Очень хорошо. Так и сделаем. Пусть все знают, что входить в эту комнату без моего разрешения нельзя. Наверняка пойдут слухи, так что скажите людям, что здесь не выставка.

– Да, миссис Мэллори, – подхватил Уильям Гоу. – И входить сюда нужно очень осторожно. Я не знаю, что за столько лет могло произойти со стенами и полом.

– Как скажете, мистер Гоу.

– Для начала, миссис Мэллори, я бы хотел здесь все тщательно осмотреть. Нужно убедиться, что в комнате безопасно находиться, прежде чем двигать мебель.

– Так и мы и поступим.

Спускаясь с бабушкой М, я встретила Филиппа. Он тоже сходил посмотреть на комнату, и в тот вечер мы не разговаривали почти ни о чем другом, кроме того, что обнаружилось в нашем доме.

Ночью, лежа в кровати, я не могла заснуть. Это неожиданное открытие взволновало меня сильнее, чем все предыдущие. «Почему?» – спрашивала я себя. Что за странность замуровывать комнату, если, как говорила бабушка, куда проще было ее просто запереть.

Я не могла прогнать эти мысли из головы. Каждая мелочь, каждый штрих как будто впечатались в мою память. Кровать с бархатными занавесками... Посеребрившими от собравшейся за годы пыли. Свисающая с потолка паутина. У меня по-прежнему стоял перед глазами туалетный столик с зеркалом и стул с платком и перчатками. Она их только успела снять или собиралась надеть? Комод... Интересно, что могло храниться в его ящиках?

Я ворочалась и металась по кровати, не в силах успокоиться, пока наконец не решила, что утром схожу туда еще раз. Никакого вреда это не принесет. Я буду вести себя осторожно. Чего там боялся Уильям Гоу? Что в комнате может провалиться пол? Или что там можно отравиться спертым воздухом?

Неожиданно меня охватило жгучее желание пойти туда немедленно и все рассмотреть самой. Почему нет? Я посмотрела на потолок... представила себе лестницу... коридор...

Сердце затрепетало. Через все тело пробежала дрожь. Где-то в душе я верила в рассказы слуг о привидениях, а теперь, после того что открылось, все эти рассказы начали казаться еще более правдоподобными.

«Дождись утра», – подала голос жившая во мне трусиха.

Но, конечно же, искушение было слишком велико. Да и могла ли я заснуть, когда в голове роились мысли и я беспрестанно спрашивала себя: почему? Почему?

Я медленно встала с кровати, сунула ноги в домашние туфли и надела платье. Слегка дрожащими пальцами зажгла свечу.

Открыв дверь, я прислушалась. В доме было очень тихо.

Я стала подниматься по лестнице, останавливаясь на каждой ступеньке и радуясь тому, что знаю дом достаточно хорошо, чтобы не наступать на скрипучие половицы.

Наконец я оказалась в коридоре. В воздухе там все еще стояла пыль. Я почувствовала необычный, ни на что не похожий запах... Запах старины, сырости, чего-то, не принадлежащего этому миру.

Переступив через обломок деревянной панели, я вошла в комнату. В свечном свете проступили пятна на стенах, которых я не замечала раньше. Прежде я видела комнату при дневном свете, проникавшем сюда из коридора, где имелось окно. Что же это за пятна на стене у самой кровати... и на противоположной стене? Я подняла свечку над головой. Да и на потолке тоже?

Я с трудом подавила желание развернуться и броситься со всех ног прочь из этой странной комнаты.

Я почувствовала, что она таит в себе какую-то ужасную тайну. Хотя я и испугалась, любопытство все же возобладало над страхом и не то, чтобы заставило, скорее упростило меня остаться.

Быть может, я домыслила это впоследствии, но мне показалось, будто что-то... кто-то... привел меня туда той ночью... Что я была выбрана для того, чтобы совершить это открытие.

Я простояла так, осматривая комнату, как мне казалось, несколько минут, хотя на самом деле прошло наверняка не дольше нескольких секунд, и мой взгляд постоянно возвращался к пятнам на стене.

– Что это такое? – прошептала я и прислушалась, как будто ожидая услышать ответ.

Потом сделала первый осторожный короткий шаг вперед. Сама не зная почему, я пошла к комоду.

Какой-то неосознанный внутренний порыв направил меня к нему. Поставив свечу на комод, я попыталась выдвинуть верхний ящик. Поначалу он не поддавался, но я потянула

сильнее, и неожиданно он сдвинулся с места. В нем что-то лежало. Я наклонилась. Небольшая шляпка из серого шифона с перышком, приколотым спереди драгоценной булавкой, рядом еще одна шляпка, украшенная по краям маргаритками.

Я задвинула ящик, почувствовав себя так, словно копаюсь в чужом белье. Мне показалось, что где-то в этой странной комнате из ночной темноты за мной наблюдают внимательные глаза, и у меня вдруг появилось необъяснимое ощущение, что эти глаза хотят, чтобы я продолжала поиски.

Быстро задвинув верхний ящик, я заметила, что из второго ящика немного выступает какой-то предмет, как будто в последний раз его задвигали в спешке. Я взялась за его ручку и, приложив усилие, выдвинула. В нем лежали чулки, перчатки и шарфы. Опустив руку в ящик, я прикоснулась к ним. На ощупь они показались мне холодными, влажными и какими-то... враждебными, что ли. «Возвращайся к себе и ложись спать, – увещевал здравый смысл. – Зачем было приходить сюда среди ночи одной? Дождись утра и завтра все осмотрите с Филиппом и бабушкой М. Что она скажет, если узнает, что ты побывала здесь без ее разрешения? Ты ослушалась указания. Уильям Гоу говорил, что здесь может быть небезопасно. Пол может провалиться под тобой в любую секунду».

Я достала из ящика кое-что из вещей, и, когда укладывала их обратно, мои пальцы к чему-то прикоснулись. Оказалось, это свернутый в трубочку пергамент. Я развернула свиток. Это была карта. Я впиалась в нее глазами. Судя по всему, на ней были изображены несколько островов посреди обширного моря.

Свернув карту, я положила ее обратно, но тут мои пальцы натолкнулись на что-то другое.

Сердце забилося, как сумасшедшее. Это была большая книга в кожаной обложке с надписью «Дневник».

Положив книгу на крышку комода и открыв ее, я вскрикнула от изумления, увидев, что было написано на форзаце: «Анне Алисе Мэллори на шестнадцатилетие. Май 1790 года».

У меня закружилась голова, и мне пришлось схватиться за комод, чтобы не упасть.

Этот дневник принадлежал девице из забытой могилы!

Не знаю, как долго я простояла там, глядя на эту страницу. Это открытие меня потрясло. Я чувствовала, что меня направляет некая сверхъестественная сила. Сначала меня привели к могиле, а теперь к... книге.

Трепещущими пальцами я начала листать страницы. Все они были исписаны мелким, но четким почерком.

Ко мне в руки попал ключ к какой-то загадке. Хозяйка этой книги, веселых шляпок в ящике комода, кружевного платка и перчаток была похоронена и забыта. И звали ее Анна Алиса Мэллори, почти так же, как меня.

В этом чувствовалась некая важность. Мои открытия не были случайными. У меня появилось такое ощущение, будто эта загадочная молодая женщина наблюдает за мной из своей могилы, будто она хочет, чтобы я узнала ее судьбу. Взяв дневник, я развернулась, чтобы уйти, но вспомнила про карту, которую положила обратно в ящик комода. Достав карту и прихватив свечку, я осторожно вышла.

У себя в спальне я заметила свое отражение в зеркале. Глаза мои напоминали глаза сумасшедшей, а лицо было очень бледным. Я все еще немного дрожала, продолжая оставаться во власти сильнейшего душевного волнения.

Бросив взгляд на принесенный дневник, который я положила на туалетный столик, я развернула карту. Большую часть карты занимало море. На севере располагалась группа островов, а в некотором отдалении от них был изображен еще один остров... Одинокий. Рядом с ним имелась какая-то надпись. Всмотревшись в мелкие, не очень четкие буквы, я сумела различить два слова: «Райский остров».

Интересно, где это? Нужно будет показать карту Филиппу и Бенджамину Даркину, решила я. Они определяют.

Однако куда больше меня занимал дневник.

Где-то бомкнули часы. Я не сомневалась, что сегодня ночью мне не выспаться. Я не смогу заснуть, пока не узнаю, что написано в дневнике.

Я зажгла еще одну свечку и, сбросив платье и туфли, забралась в кровать. Подложив под спину подушки, я открыла дневник и начала читать.

Дневник Анны Алисы

30 мая 1790 года

Среди подарков, которые я получила на свой шестнадцатый день рождения, был и этот дневник. Прежде у меня никогда не возникало желания вести дневник, и когда мысль об этом впервые посетила меня, я лишь отмахнулась от нее. Все равно, думала я, у меня не хватит терпения. Какое-то время, может, неделю или две, мне это будет интересно, но потом прискучит, и я заброшу эту затею. Дневники ведут не так. Но почему? Что, если записывать в него только самое важное? Кому интересно будет узнать, что вчера выдался погожий денек или что сегодня я надела голубое или лиловое платье? Подобные мелочи, даже когда случаются, не имеют ровным счетом никакого значения.

И вот я дала себе слово, что буду записывать что-нибудь, если буду в настроении или же если случится нечто настолько важное, что мне покажется нужным описать это событие, чтобы в будущем, когда мне понадобится о нем вспомнить, я могла найти его здесь... в том самом виде, в котором оно произошло. Дело в том, что я давно заметила: события меняют разум людей, и, оглядываясь на прошлое, они склонны подменять настоящие воспоминания тем, что им хотелось бы помнить. Но я не хочу ничего подобного. Я буду строго придерживаться правды.

Жизнь здесь, в усадьбе, однообразна, дни похожи друг на друга, как две капли воды. Иногда мне кажется, что так будет всегда. Так о чем же мне написать? Сегодняшнее утро я, как обычно, провела с мисс Брэй, моей гувернанткой. Она добрая и красивая, ей лишь немногим больше двадцати, и за последние шесть лет у меня сохранились только приятные воспоминания о нашей дружбе. Она – дочь одного приходского священника, и поначалу мой отец не хотел ее принимать, говорил, что она еще слишком молода. К счастью, потом, благодаря тому что мы с ней дружили, он передумал.

Сегодняшняя дата напоминает мне, что сегодня исполнилось ровно два года с того дня, когда умерла моя мама. Я не хочу об этом писать. Это слишком больно. В тот день все изменилось. Как же я тоскую по тем временам, когда могла сидеть с ней рядом и читать для нее вслух! Это мои самые счастливые воспоминания. Теперь, когда ее больше нет, я ищу утешения у мисс Брэй. Мы тоже читаем вместе книги, но это не то.

Жаль, что я настолько младше Чарльза, моего брата. Мне от этого так одиноко. Однажды я услышала, что слуги называли меня «случайной», а это не придает чувства собственного достоинства. Не думаю, что папа мной особенно интересуется. Конечно, он исполняет свои отцовские обязанности по отношению ко мне, но для него это всегда сводится к одному: поручить меня чьим-то заботам.

Я немного гуляю, немного катаюсь на лошади. Я хожу в гости к знакомым в деревне и веду с ними спокойные беседы. Вот и вся моя жизнь. Какой же смысл вести дневник?

20 июня

Как странно, что я решила завести этот дневник. Наконец-то что-то произошло. Прошел почти месяц с тех пор, как я сделала в нем первую запись и думала, что никогда больше его не открою. Но вот нечто случилось, и теперь мне кажется, что, когда ты в смятении и описываешь на бумаге свои чувства, это успокаивает.

Это моя дорогая мисс Брэй. Сегодня утром, придя ко мне, она выглядела даже красивее, чем обычно. Конечно, я должна была этому радоваться, ведь она несомненно настоящая красавица. Но судьба, как видно, решила над нами посмеяться, раз подобное событие обернулось для двух нежно любящих друг друга людей совершенно противоположным.

Когда мы боролись с одним особенно многословным абзацем в романе Стерна, который сейчас читаем, она сказала мне:

– У меня есть новость, Анна Алиса, и я хочу, чтобы вы первой ее услышали.

Я с радостью отложила книгу и приготовилась к приятному разговору.

– Джеймс сделал мне предложение.

Джеймс Эггертон, сын нашего приходского священника. Недавно он в очередной раз приехал к отцу. Он живет отдельно, у него собственный приход милях в пятидесяти, поэтому он может жениться.

– Значит, мы расстанемся, мисс Брэй! – воскликнула я.

– Боюсь, что да, – улыбнулась она, отчего на щеках у нее появились ямочки. – Но не тревожьтесь, у вас будет новая гувернантка... Намного умнее меня. Она вам понравится.

– Не понравится! – Я почувствовала, что меня начинает охватывать страх.

Мисс Брэй обняла меня и нежно прижала к себе, как только она умеет.

– Одно время мне казалось, что он вот-вот сделает это, – рассказала она, – но, не дождавшись, решила, что ошиблась. А он, оказывается, все это время просто собирался с духом.

– Вы уедете!

– Я попрошу вашего отца разрешить вам ехать со мной.

– Но все будет не так, как прежде.

– Когда происходят перемены, ничто не может оставаться таким, как прежде. Жизнь была бы скучной, если бы в ней никогда ничего не менялось, правда же?

Я не согласилась:

– А я хочу, чтобы она была скучной. Я не хочу, чтобы вы уезжали.

– О, ну что вы, – успокаивающе произнесла мисс Брэй. – Для меня это радость.

Я посмотрела ей в глаза и, увидев, что она по-настоящему счастлива, подумала, какая я плохая, что не радуюсь вместе с ней.

4 июля

Как летят дни! Я старалась радоваться вместе с мисс Брэй, потому что она несомненно очень счастлива, а Джеймс Эггертон все время ходит с таким видом, будто жизнь – это какая-то нескончаемая радость и он живет где-нибудь среди райских кущей.

В то утро я встретила отца на лестнице. Он потрепал меня по голове, как всегда неуклюже, и сказал:

– Придется нам найти другую мисс Брэй.

– Папа, – ответила я. – Мне уже шестнадцать лет. Может быть, я...

Он покачал головой.

– Нет... Еще хотя бы год тебе нужна гувернантка. Мы найдем кого-нибудь, такого же славного, как мисс Брэй, не бойся.

Сейчас мисс Брэй с головой ушла в подготовку к свадьбе. Она сделалась немного рассеянной. Кажется, она во время уроков иногда забывает обо мне, потому что мыслями пребывает уже в своем счастливом будущем с преподобным Джеймсом Эггертоном.

Я же немного потеряна и чувствую себя одиноко. Я много гуляю и езжу верхом. Выходя из дому, я должна все время брать кого-то с собой, но никто из слуг не может заменить мисс Брэй.

1 августа

В конце месяца мисс Брэй уезжает. Она возвращается к себе домой в Мидлендс, с тем чтобы выйти замуж там. Теперь я о ней думаю меньше, потому что меня стало больше занимать мое собственное будущее. Завтра прибывает новая гувернантка. Папа позвал меня в

свой кабинет, чтобы рассказать о ней. Он ездил в Лондон встретиться с ней. Я немного обиделась на него, подумав, что ему нужно было взять с собой меня. В конце концов, это ведь мне предстоит проводить с ней время. Я, конечно, не надеюсь найти еще одну мисс Брэй, но мне хотелось бы кого-то похожего на нее.

– Мисс Лоис Гилмор приезжает завтра, – сообщил папа. – Она успеет встретиться с мисс Брэй до ее отъезда, так что мисс Брэй введет ее в курс дела и объяснит обязанности. Я уверен, мисс Гилмор тебе понравится. Она прекрасно знает свое дело и производит впечатление очень серьезной молодой женщины.

Я не хочу серьезную молодую женщину. Я хочу мисс Брэй или кого-нибудь точно такого, как она, и я не думаю, что мисс Брэй можно назвать очень серьезной. Она всегда была немного невнимательной, а сейчас особенно, и обучение ее большей частью шло в одном направлении: книги, музыка и тому подобное, что меня вполне устраивало. В математике она безнадежна.

Мисс Гилмор звучит пугающе.

Меня одолевают мрачные предчувствия.

2 августа

Сегодня был важный день. День приезда мисс Лоис Гилмор.

Когда она появилась, я наблюдала за ней из окна наверху. Со мной была мисс Брэй. Из экипажа вышла высокая и худая молодая женщина, неброско, но элегантно одетая.

– Не очень-то она похожа на гувернантку, – сказала я и тут же подумала, не обидела ли я мисс Брэй, которую, невзирая на всю ее красоту, элегантно никак нельзя было назвать. Она маленькая и чуть-чуть полноватая, что называется, «миниатюрная женщина». Мисс Брэй милая, добрая, женственная, но никак не элегантная.

Ждать, когда меня позовут, пришлось недолго. Меня хотели видеть в гостиной.

Охваченная волнением, я спустилась. В гостиной сидел папа и приехавшая в экипаже элегантная молодая женщина.

– Это Анна Алиса, – представил меня папа.

– Здравствуйте, Анна Алиса.

Когда она пожала мне руку, я посмотрела в ее глаза, большие и темно-голубые. Она была по-своему красива. Четко очерченное лицо, классические линии, слегка длинный, но очень прямой нос, склонные к полноте губы. «Теплые губы и холодные глаза», – подумала я.

Я настроена против нее по той простой причине, что она не мисс Брэй, хоть и сама понимаю, что это неразумно.

– Анна Алиса, это мисс Гилмор. Она с нетерпением ждет, когда вы начнете заниматься.

– Я уверена, – сказала мисс Гилмор, – мы с вами обязательно поладим.

Я в этом совсем не уверена.

– Мисс Брэй, как вы знаете, была с Анной Алисой целых... э-э-э... – начал папа и запнулся.

– Шесть лет, – сказала я.

– Да, и теперь она выходит замуж и покидает нас.

Мисс Гилмор улыбнулась.

– Думаю, ты можешь теперь проводить мисс Гилмор в ее комнату, – сказал мне отец и снова повернулся к мисс Гилмор. – Когда обустроитесь, приходите пить с нами чай. Потом дочь представит вас мисс Брэди.

– Замечательно, – сказала мисс Гилмор.

Станный был день. Я показала ей ее комнату. Я чувствовала, что она оценивает все вокруг: дом, мебель, меня. Она слишком быстро сделалась как-то уж чересчур дружелюбной. Несколько раз повторила, что мы с ней поладим.

Еще мне показалось, что ей больше понравилось пить чай с моим отцом, чем находиться со мной. Мне бы очень хотелось избавиться от этого непростого ощущения. Наверняка все сложится хорошо, потому что она, похоже, этого хочет. А если и я этого захочу, что нам может помешать?

За чаем мисс Гилмор много говорила, а я удивлялась тому, что отец, который обычно в это время почти никогда не бывает дома, нашел возможность не только встретить новую гувернантку, но еще и распивать с ней чай. Меня они почти не замечали. «Можно было подумать, что она приехала для того, чтобы стать не моей, а его гувернанткой», – потом, при встрече с мисс Брэй, сказала я.

Мисс Гилмор много говорила о себе. Родилась она в Девоншире, в небольшом отцовском имении. У ее отца был помощник, доверенное лицо, который в один прекрасный день скрылся со всеми семейными ценностями. Отец, не выдержав такого удара, слег и вскоре умер. Мисс Гилмор, оказавшись почти без гроша, вынуждена сама зарабатывать на жизнь и может это делать единственным способом, доступным имеющей образование благородной женщине.

Отец проникся к ней величайшим сочувствием.

– Но мне не стоит отягощать вас своими бедами, – сказала мисс Гилмор. – Тем более, что я уверена: они остались в прошлом. Я чувствую, что буду счастлива здесь, с Анной Алисой.

– Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы это случилось, – сказал отец так, будто она была каким-то почетным гостем дома, а не наемной работницей.

Мисс Гилмор, может быть, и не красавица, но в ней есть нечто такое, что иначе как очарованием и не назовешь. Отец, кажется, понимает это.

Я представила ее мисс Брэй, как и договаривались. Мне очень хотелось узнать ее мнение о мисс Гилмор, но моя милая гувернантка уже живет будущим, и я могу только сказать, что она готова воспринимать мисс Гилмор такой, какой та хочет казаться... Так же, как отец.

Я сама не рада, что так разволновалась, но все-таки хорошо, что завела дневник. Ведь теперь я могу записывать то, что действительно чувствую в то самое время, когда это происходит. Быть может, совсем скоро я посмеюсь над своей глупостью. Надеюсь, что так. Но все равно я хочу записать, что чувствую сейчас.

10 октября

Давно я не бралась за свой дневник. Но это из-за того, что мне не хотелось. После свадьбы мисс Брэй я долго грустила. Почему так получается, что человека начинаешь по-настоящему ценить, только когда его теряешь? Я была на ее свадьбе. Было очень весело, и все (кроме меня) считают, что лучшего исхода дела и желать нельзя было. Возможно, для мисс Брэй и ее преподобного джентльмена да, но про себя я этого не могу сказать.

Я знаю, это очень эгоистическая точка зрения, и мне должно радоваться за мисс Брэй... теперь уже миссис Эггертон... но как же трудно радоваться чьему-то счастью, если их счастье для тебя означает отчаяние? Может быть, «отчаяние» – слишком сильное слово. Странные вещи я пишу в этом дневнике. Кажется, он воздействует на меня каким-то непонятным образом. Как будто я разговариваю сама с собой. Хотя, быть может, дневники для этого и нужны. Вот почему их принято хранить в тайне, вот почему они столь полезны для записи жизни такой, как она есть, а не в розовом тумане или непроглядном мраке – в зависимости от того, как тебе захочется представить события потом, когда воспоминания о них потеряют свежесть.

А что мисс Гилмор? Что можно сказать о ней? Не знаю. Она не настаивает, чтобы я усердно трудилась. Она интересная. Она умная, начитанная. Но она не похожа на гувернантку.

Грустнее всего оттого, что рядом со мной нет никого, кому я могла бы довериться. Брат Чарльз работал и все время пропадал, как они это называют, в мастерской в Грэйт Стэн-тоне. Несколько месяцев назад он уехал в экспедицию в какое-то место, еще не обозначенное на географических картах. Иногда я жалею, что не родилась мужчиной. Тогда я смогла бы странствовать и переживать приключения.

Но я хочу думать о мисс Гилмор, поэтому должна писать о ней. Я хочу понять ее, и сейчас, когда я снова взялась за дневник, я чувствую, что начинаю лучше разбираться не только в других людях, но и в себе самой. Меня всегда увлекали люди, мне всегда хотелось узнавать о них что-то новое. В любом человеке можно разобраться. По крайней мере я могу. Думаю, у меня особый дар. Но с мисс Гилмор ничего не получается. Меня не покидает чувство, что она что-то скрывает. Мне кажется, я вижу это в ее глазах. У нее такие странные глаза. Они блестят. Они темно-голубые, а брови и ресницы – черные как смоль. Волосы тоже черные. Мне кажется, она подкрашивает брови и ресницы, потому что иногда они кажутся чуть темнее, а иногда чуть светлее.

Вчера папа предложил ей выпить с ним стакан хересу.

– Он хочет, чтобы я рассказала, как продвигается обучение, – сказала мне мисс Гилмор. – Что ему сказать? – Она лукаво посмотрела на меня. Я не совсем поняла ее и снова почувствовала странную неловкость.

Я ответила:

– Скажите, что думаете.

– Я скажу ему, какая вы чудесная ученица. Что с вами очень приятно заниматься и что вы меня удивляете своими успехами. Как вам такое?

– Мне кажется, это не так, – возразила я.

– Мне хочется, чтобы он был счастлив. Мне хочется, чтобы вы были счастливы. Вы же не хотите, чтобы я сказала ему, что вы ленитесь, правда?

– Нет, потому что это неправда. Но я не верю, что вы меня считаете чудесной.

– Вы и впрямь умная девочка, – сказала. – Это точно.

Лицо ее сделалось чуть строжее. Ее всегда немного раздражает, когда я не отвечаю на ее предложения дружбы.

14 октября

Снова открыть дневник меня заставило происшествие, случившееся сегодня днем.

Выезжая на верховую прогулку, я должна брать с собой провожатого. Но этим правилом я начинаю все чаще и чаще пренебрегать. В самом деле! Мне уже скоро семнадцать. Вернее, примерно через семь месяцев, но все равно я считаю, что у девицы моего возраста должна быть хоть какая-то свобода. Конюхи меня не выдают, когда я уезжаю одна, и я всегда сама седлаю свою лошадь, чтобы не поднимать шума, так что они, можно сказать, в этом не участвуют.

Мисс Гилмор время от времени выезжает со мной, но она не из тех людей, которые ездят верхом ради удовольствия. Если она садится на лошадь, то только когда ей нужно куда-нибудь съездить. В отличие от мисс Брэй, на живописные виды она никогда не обращает внимания. Когда мы катались с мисс Брэй, она все время рассказывала мне какие-то занятные истории о животных, растениях, людях. Мисс Гилмор не интересуется поездкой, ей интересно оказаться в нужном месте. С ней не весело.

Сегодня днем я отправилась на прогулку одна и заехала намного дальше, чем обычно. Проезжая мимо трактира «Королевский дуб», я заметила одну из наших лошадей, ту, на которой обычно ездит мисс Гилмор. Она стояла у подставки для посадки на лошадь при трактире.

Там была еще одна лошадь. Меня охватило любопытство, и я захотела проверить, не ошиблась ли я.

Я спешила, привязала свою лошадь рядом с остальными и вошла в дом.

Нет, я не ошиблась. Мисс Гилмор сидела с кружкой пива за одним из столов и разговаривала с каким-то мужчиной. Мужчина был красив. Черноту его глаз подчеркивал напудренный модный парик. Длиннополый камзол и широкая шляпа также были безукоризненны.

Мисс Гилмор выглядела великолепно в подходящем как для прогулок пешком, так и для верховой езды платье с пышной юбкой и простым, без лишних украшений, обтягивающим лифом. На плечи ее был наброшен легкий белый платок, голову венчала высокая черная шляпа с пером такого же синего цвета, как ее платье. Никогда в жизни я не видела, чтобы гувернантки так одевались. Никогда я не видела и такого безграничного удивления, как то, что появилось на ее лице, когда она подняла глаза и увидела меня.

Я бы даже сказала, мое появление стало для нее ударом.

Привстав, она произнесла незнакомым мне голосом:

– Анна Алиса.

– Здравствуйте, – ответила я. – Я проезжала мимо и заметила вашу лошадь. Решила зайти проверить, не ошиблась ли я.

С удивлением она справилась очень быстро.

– Какая приятная неожиданность! А я зашла освежиться и, представляете, встретила здесь старинного друга моей семьи.

Мужчина встал и низко поклонился. Он был примерно одного возраста с мисс Гилмор, где-то под тридцать.

– Что это я! – сказала тут мисс Гилмор. – Совсем забыла правила приличия. Это мистер Десмонд Фезерстоун. Мистер Фезерстоун, мисс Анна Алиса Мэллори, моя любимая ученица. – Она повернулась ко мне и быстро спросила: – Вы одна?

– Да, – довольно дерзко ответила я. – Я не должна...

– Совершенно не должны, – голосом, который меньше всего можно было ожидать от гувернантки, промолвила она, как будто мы все были заговорщиками.

– Раз уж мисс Мэллори присоединилась к нам, вероятно, она захочет немного подкрепиться, – предложил мистер Фезерстоун.

– Хотите? – спросила меня мисс Гилмор.

– С удовольствием выпью сидра.

Мистер Фезерстоун окликнул одну из прислужниц, очень миловидную девушку с кружевным платком, завязанном крест-накрест на груди, и в белом чепце, и сказал:

– Принесите сидра для юной леди.

Девушка по-особенному улыбнулась мистеру Фезерстоуну, как будто прислуживать ему доставляло ей удовольствие. Я начинала замечать те небольшие знаки, которыми обмениваются мужчины и женщины.

После этого мистер Фезерстоун обратил внимание на меня. Его блестящие глаза впились в меня так, словно хотели проникнуть в мои мысли.

Спокойствие вернулось к мисс Гилмор в считанные секунды. Она снова заговорила:

– Все это действительно для меня очень неожиданно. Сначала мистер Фезерстоун, потом Анна Алиса... Можно сказать, компания собралась.

Она так настойчиво повторяла, что повстречалась с мистером Фезерстоуном совершенно случайно, что я заподозрила обратное. Она совершила ту же ошибку, которую совершают многие: приняла меня за простодушного ребенка. Я быстро расту и часто думаю как взрослый человек. И в ту минуту что-то подсказало мне, что мистера Фезерстоуна и мисс Гилмор объединяет взаимное влечение.

Принесли сидр.

– Уверен, вам понравится, мисс Мэллори, – сказал мистер Фезерстоун.
– Прекрасный сидр, – ответила я. – И мне правда ужасно хотелось пить.
Он наклонился ко мне.

– Я так рад, что вы решили зайти. Если бы вы этого не сделали, мне было бы очень грустно.

– Если бы я этого не сделала, вы бы не знали, что существовала возможность моего прихода, так почему бы вам было грустно? – спросила я.

Мисс Гилмор рассмеялась.

– Моя ученица не простая девочка, – сказала она. – Могу вас заверить, найти ошибку в ее рассуждениях не так-то просто. Не забывайте, это я ее учу.

– Это нужно запомнить, – серьезным тоном, но с улыбкой произнес он.

Он спросил меня о мастерской, где делаются карты, и я рассказала ему, что один из моих предков плавал с Дрейком и что с тех пор в нашем роду не угасает интерес к географическим картам.

– Изготовление карт – занятие не только интересное, но и доходное, – добавила мисс Гилмор.

Он стал спрашивать о деревне и об усадьбе, в которой я живу с рождения. Я сказала, что моя мама умерла и я до сих пор очень по ней скучаю.

Он сочувственно похлопал меня по руке:

– Но у вас есть отец. Готов поспорить, что он в вас души не чает.

– Он меня почти не замечает.

– Ну что вы, – заступилась за отца мисс Гилмор. – Он прекрасный отец. Мы с ним очень много о вас разговариваем.

– С мисс Брэй он много не разговаривал.

По лицу мисс Гилмор скользнула улыбка.

– Я думаю, единственное его желание – это чтобы вы находились в надежных руках.

Мистер Фезерстоун придвинул свой стул поближе ко мне. Время от времени он касался моей кисти, как будто подчеркивая значимость своих слов. Мне это было неприятно. Мисс Гилмор это, кажется, тоже не нравилось.

Я спросила:

– Мистер Фезерстоун, вы остановились где-то поблизости?

Глядя прямо на меня, он улыбнулся, пытаясь удержать мой взгляд, но я отвернулась.

– Мне хотелось бы думать, что вас это действительно занимает, мисс Анна Алиса, – сказал он.

– Конечно же, я надеюсь, что вы удачно устроились.

– Я надеюсь, что встречу с вами снова, когда вы в очередной раз будете гулять, – произнес он.

– Анна Алиса всегда нарушает правила, – заметила мисс Гилмор. – Она вообще-то не должна гулять одна. Хорошо, что мы встретились. Можно будет вернуться домой вместе, как будто мы уходили вдвоем.

– Вы часто нарушаете правила, мисс Анна Алиса? – спросил он.

– Некоторые правила для того и нужны, чтобы их нарушать... Если они не обоснованы. Мне скоро исполнится семнадцать. Я достаточно взрослая, чтобы гулять одной.

– Вы совершенно правы! Семнадцать. Восхитительный возраст. Мне кажется, вы в душе бунтарь.

– А мне кажется, – вставила мисс Гилмор, – что нам пора возвращаться в усадьбу.

Я встала. Мне захотелось распрощаться с ними обоими. Захотелось оказаться в своей комнате и записать в дневник все подробности этой встречи, пока они не забылись.

Мы вышли из трактира и сели на лошадей. Мистер Фезерстоун немного проехал вместе с нами, а потом с преувеличенно галантным поклоном покинул нас.

– Подумать только, – сказала мисс Гилмор. – Вот так взять и совершенно случайно повстречать старого друга семьи... Поразительно!

«Да, – подумала я, – вы как-то уж слишком усердно повторяете это, мисс Гилмор».

Я не доверяю мисс Гилмор.

Вернувшись домой, я пошла напрямик в свою комнату, чтобы записать все это в дневник.

1 января 1791 года

Первый день нового года.

Как же давно я не бралась за дневник. Мне просто разонравилось его вести, и сейчас я пишу только потому, что сегодня Новый год. И из-за папы, конечно.

Дневник все это время лежал в ящике комода, куда я его спрятала, чтобы его никто не нашел. Я не хочу, чтобы кто-нибудь узнал мои сокровенные мысли, а мне хочется думать, что именно их я и записываю в дневник.

С мистером Фезерстоуном я встречалась еще пару раз. Он, кажется, теперь приезжает сюда постоянно. «По делам», как он говорит. Интересно, чем он занимается? И где? Если в Лондоне (мне кажется, что именно там), то это далеко от нас. Я знаю, что добираться туда не так уж долго, но все-таки, почему не поселиться там?

Иногда мне кажется, что он, как говорят на кухне, «увлекся». Она, похоже, из таких женщин, которыми мужчины «увлекаются» очень легко.

Надеюсь, я не ошибаюсь. Он женится на ней и увезет отсюда, как преподобный Джеймс Эггертон увез мисс Брэй. Тогда я избавлюсь от них обоих, и отец наверняка поймет, что такому зрелому человеку, каким стала его дочь, очередная гувернантка не нужна.

Меня немного беспокоит то, как мистер Фезерстоун относится ко мне. Он как будто постоянно хочет приблизиться ко мне. И к тому же еще распускает руки. Не знаю, как по-другому это назвать. Мало того, что он в разговоре размахивает ими, как заведенный, так еще то на кисть мне руку положит, то на плечо, иногда на волосы. И убирать ее он не спешит. Когда он смотрит на меня своими сверкающими глазами, мне становится не по себе.

Мне он кажется немного жутким.

Хотя, наверное, поскольку он друг семьи мисс Гилмор, нет ничего удивительного в том, что он к ней время от времени навещается.

К тому же, как говорила мисс Брэй, у меня слишком развито воображение.

Это Рождество не было похоже на прошлогоднее... Да и на все остальные тоже. Мы, как всегда, пригласили нескольких гостей, а отец предложил позвать и мисс Гилмор.

– Рождество есть Рождество, – сказал он мне, сделавшись необычайно благодушным. – Раз мисс Гилмор сейчас здесь, мы не можем забыть о ней. Может быть, тебе стоит предложить, чтобы она присоединилась к нам, так сказать, как член семьи? Если это предложишь ты, все увидят, что ты воспитанная и неравнодушная девочка.

С недавних пор мисс Гилмор стала обедать вместе с нами. Отец сказал, что мне пора перестать есть в детской комнате.

Поэтому теперь мы сидим за столом вместе. Отец сильно изменился. Из-за того, что мисс Гилмор постоянно где-то рядом. Она прямо вся искрится, и отец смеется после каждого ее слова. В ней удивительным образом сочетаются внешняя сдержанность и искушенность. Она скромна и одновременно смела. О чем это говорит? Не знаю, могу только сказать, что люди противоположного пола находят это очень привлекательным.

Когда заговорили о Рождестве, мисс Гилмор как будто смутилась. Она засомневалась, когда я пригласила ее присоединиться к нам за праздничным столом, и я не стала настаивать. Но за обедом она сама об этом заговорила.

– Я очень тронута, – сказала она, – но решила отказаться от вашего предложения. У вас будут гости... Особенности гости.

– Но Анна Алиса очень хочет, чтобы вы присоединились к нам. Не так ли, дорогая?

Почему, когда люди хотят чего-то, они заставляют других притворяться и делать вид, что этого на самом деле хочется им?

Минуту я колебалась, пока не увидела ужас, нарастающий в глазах отца.

– О... конечно, – сказала я и тут же возненавидела себя за ложь. Почему я не сказала правду? Почему не ответила: «Нет, я не хочу, чтобы мисс Гилмор была с нами на Рождество. С нею Рождество будет совсем другим».

В этом я не ошиблась. Мисс Гилмор присвоила себе Рождество.

Однажды она сказала отцу:

– У меня есть друг... друг семьи... Он живет в трактире и не сможет вернуться на Рождество домой. У меня сердце разрывается, когда я думаю о том, что он проведет Рождество в одиночестве.

Отец тут же сказал, что она должна пригласить своего друга к нам.

Я не особенно удивилась, когда этим гостем оказался мистер Фезерстоун.

«Значит, он был с ней заодно, и, если не она испортит наше Рождество, это сделает он», – подумала я.

Мистер Фезерстоун танцевал с ней. Его руки, его наглые руки... Как же я их ненавижу! Они преследовали меня в снах, после которых я просыпалась с тяжестью на сердце и предчувствием недоброго, хотя сама не понимала почему.

3 января

Мне трудно об этом писать, потому что я до сих пор не могу поверить в то, что все это произошло на самом деле. Мне хочется писать о других вещах, потому что знаю: когда я вижу их записанными в моем дневнике, мне приходится их принимать. Но к чему притворяться?

Отец призвал меня в свой кабинет и сказал:

– Я хочу, чтобы ты узнала об этом первая.

Наверное, я догадалась, что он хочет сообщить, потому что мне вдруг захотелось закричать: «Нет, ничего не говорите! Этого не может быть!»

Но я просто стояла и смотрела на него, и он не знал, как отчаянно мне хотелось, чтобы он сказал не то, что я так боялась услышать, а что-нибудь другое, что угодно, только не это.

– Анна Алиса, прошло много времени с тех пор, как умерла твоя мама. Мужчина не может долго оставаться один. Ты понимаешь это?

– Конечно, понимаю, – сказала я. – И мне бы хотелось, чтобы люди перестали думать, что я чего-то не понимаю.

Мой раздраженный ответ его удивил, но он продолжил:

– Я собираюсь снова жениться. Мы с Лоис решили тебе сразу рассказать... До того, как объявим об этом формально.

– Лоис! Мисс Гилмор!

– К счастью, все получилось как нельзя лучше. Я удивился, когда она приняла мое предложение. Лоис гораздо младше меня и очень привлекательна.

Я, едва не плача, смотрела на него, готовая умолять его признаться, что это шутка.

– Скажи, – продолжил он, – разве так не будет лучше всем?

– Я... не знаю, – запинаясь, пролепетала я.

– Я понимаю, для тебя это неожиданно. С того дня, когда к нам приехала Лоис, все в доме изменилось.

Да, моя жизнь изменилась не меньше, чем его.

– Он словно наполнился светом, стал светлее, чем...

– Чем когда была жива мама?

– Несчастья случаются, Анна Алиса, и мы должны с этим смириться. Такова воля Божья. Но не нужно держать в себе горе. Господу это не угодно. Мы должны оставить печаль и стремиться к счастью.

Я кивнула и отвернулась.

– Я так рад, что ты это понимаешь, – сказал он. – Я делаю это не только для себя, но и для тебя.

Мне захотелось закричать: «Нет! Я совсем не этого хочу. Я хочу, чтобы она уехала, сегодня же... И забрала с собой мистера Фезерстоуна».

– На двенадцатую ночь мы устроим прием, – говорил он, – тогда же объявим о своем решении.

Сказать что-либо, не выдав своих чувств, я не могла, поэтому молча кивнула и при первой возможности вышла из кабинета.

А сейчас я сижу в своей комнате и смотрю на слова, записанные в дневнике. Мой отец хочет жениться на мисс Гилмор.

Сердцем я понимаю, что именно этого я боялась последние месяцы.

1 марта

Сегодня они поженились. Сейчас в доме тихо. Дом напоминает мне спящего тигра. Вскоре он проснется и выпустит когти. Он разрушит все, что здесь было раньше, и создаст новый дом.

Я люблю свою маленькую комнату. Я задергиваю занавески вокруг кровати и отгораживаюсь от всего мира. Это мое маленькое убежище. Здесь я могу быть совсем одна.

Сегодня днем они уехали – у них медовый месяц – в Италию.

– Мне всегда хотелось куда-нибудь съездить, – сказала мисс Гилмор.

Они совершат большое путешествие по разным странам. Во Францию они поехать не могут, там сейчас слишком беспокойно. Страшные вещи происходят сейчас во Франции. Говорят, что королю и королеве грозит смертельная опасность. «Никто в здравом уме не поедет сейчас во Францию, – говорил папа. – Значит, поедem в Италию, страну озер и гор, величайшую сокровищницу искусств в мире». Папа очень интересуется искусством, а мисс Гилмор (только теперь она не мисс Гилмор, теперь она моя мачеха) интересуется всем, чем интересуется папа.

Она идеальный спутник.

Совсем недавно я прощалась с мисс Брэй. О, ну почему ей пришлось уехать? Сейчас она ждет ребенка и пишет, что она самая счастливая женщина в мире. Я эгоистка, раз жалею о том, что она повстречалась с преподобным Джеймсом.

Но я ничего не могу с собой поделать.

«Вот подумай, – говорю я себе, – если бы мисс Брэй не уехала, у меня бы сейчас не было мачехи. Все было бы, как прежде. Может быть, это и скучно, но так удобнее».

А теперь... изменилось все. В доме теперь совсем другая обстановка. Интересно, кто-нибудь, кроме меня, это чувствует? Вряд ли, так что, наверное, все это я придумываю.

Как будто в доме поселилось зло... Молчаливое, осторожное, выжидающее случая наброситься и разорвать.

2 марта

Сегодня я поехала кататься одна. И не успела я далеко отъехать, как встретила мистера Фезерстоуна.

Это было крайне неожиданно и неприятно. Меня передернуло, когда он поравнялся со мной. Мы ехали рядом с рошей, и вокруг не было ни души. Я подумала, что он специально дожидался, пока я сюда подъеду, чтобы догнать меня.

– Какая приятная неожиданность!

– О... Добрый день, мистер Фезерстоун.

– Вот решил набраться смелости и проводить вас.

– Надеюсь, у вас все хорошо.

– Лучше не бывает.

– Вам, наверное, не очень приятно жить в трактире. Должно быть, вам не терпится поскорее покончить с делами и вернуться домой.

– Напротив, жизнь здесь кажется мне весьма интересной. Ведь здесь я познакомился с очаровательными людьми.

Он подвел свою лошадь ближе к моей, и я повернулась взглянуть на него. Он смотрел на меня с видом, не оставлявшим сомнения, что и я вхожу в число этих очаровательных людей. Хорошо, что он не мог до меня дотянуться, а то, не сомневаюсь, его руки потянулись бы ко мне.

Я сказала:

– Здесь я люблю галопировать, – и поскакала вперед, но он, разумеется, не отстал.

Потом мне пришлось придержать лошадь, потому что мы выехали к дороге.

– Наверное, сейчас, когда ваш отец с молодой женой отправились в свадебное путешествие, вся усадьба в вашем распоряжении.

– Не знаю, я на это не обращаю внимания.

– Я подумал, вам может быть одиноко.

– Вовсе нет.

– Не сомневаюсь, у вас множество друзей.

– Мне есть чем заняться.

– Больше никаких уроков... Вы потеряли гувернантку, но обрели мачеху.

– Я уже немного старовата для уроков.

– Вы еще совсем юная леди, я вижу это.

– Здесь я сворачиваю, мистер Фезерстоун.

– Я как раз в ту сторону и еду.

– Я возвращаюсь домой.

– Недолгая у вас получилась прогулка.

Я не ответила, потому что боролась с желанием сказать ему, что возвращаюсь, чтобы отделаться от него.

– Теперь, когда вы... остались одна, быть может, мы могли бы как-нибудь встретиться.

– Знаете, у меня много дел.

– Вы так заняты, что у вас нет времени встречаться с друзьями?

– Нет. На *друзей* у меня время есть.

– О, мисс Анна Алиса, надеюсь, что я вхожу в их число?

– Вы друг мисс Гилмор.

– Мисс Гилмор? Ах да, мисс Гилмор... Разумеется. Очень мило было со стороны вашего батюшки пригласить меня в ваш дом. Думаю, теперь, когда моя знакомая стала его женой, меня станут чаще приглашать.

– Полагаю, теперь жена моего отца будет решать, кого приглашать.

– В таком случае, я не сомневаюсь, что мне будут рады.

Мы выехали на Грин, на южной стороне которого стоит наш дом. Меня раздражало, что прогулку пришлось прервать, но я хотела отделаться от него во что бы то ни стало.

– Что ж, всего доброго, мистер Фезерстоун.

– Вы не пригласите меня войти?

– Боюсь, что не могу вас пригласить... сейчас.

Он, похоже, расстроился.

– Ничего, я наведаюсь, когда у вас будет больше времени.

Он снял шляпу и отвесил смехотворно изысканный поклон, которому, должно быть, научился при дворе принца Уэльского, с которым, если верить его словам, был знаком.

Лучше бы он уехал в Лондон, или Брайтон, или куда угодно и там тренировался в изысканности манер.

Я вошла в дом разгоряченная и злая.

Мисс Гилмор – я отказываюсь ее называть как-то иначе! – погубила мое приятное существование.

6 марта

Неужели нет способа избавиться от внимания этого человека? Вчера он снова приходил. Меня не было дома, а когда я вернулась, он сидел в передней. Если бы меня предупредили, я бы послала горничную передать ему, что меня нет. Но я попалась.

Он при горничной сказал, что хочет пить и посмотрел на меня вопросительно, после чего мне ничего не оставалось, как предложить ему. Мне пришлось пить с ним.

Я провела его в небольшую гостиную рядом с передней, где мы обычно принимаем случайных гостей. Тогда я могла думать только об одном: как бы поскорее уйти.

– Рад встрече с вами, – произнес он.

Я промолчала, не в силах выдать из себя откровенную ложь, в которой был бы хоть намек на согласие.

– Знаете, я очень доволен, что оказался в этих краях, – продолжил он. – Здесь так мило, и до Лондона совсем недалеко.

– А вам не удобнее было бы жить где-нибудь поближе к нему?

– Возможно. Но это не так уж существенно. Не могу передать словами, как я был счастлив в тот день, когда встретил здесь вашу мачеху и она познакомила меня с вашей семьей.

Я снова промолчала. Хозяйка из меня получалась никудышная, но мне меньше всего хотелось ею быть.

– Как думаете, когда вернется счастливая чета? – спросил он.

– Думаю, через месяц, не раньше. Не имеет смысла ехать так далеко, чтобы задержаться там ненадолго.

– К тому же у них сейчас медовый месяц! – Его темные глаза попытались удержать мои, и, как ни странно, отвести взгляд мне удалось с большим трудом. Он каким-то непонятным образом воздействовал на меня. Я бы и хотела оставаться равнодушной, но он как будто притягивал меня. Наверное, так чувствует себя кролик, оказавшись рядом с горностаем. – Только представьте. Флоренция... Венеция... Рим... Я думаю, они побывают во всех этих местах. А вам хотелось бы все это увидеть своими глазами, мисс Анна Алиса?

– Уверена, это было бы очень интересно.

– В таком деле многое зависит от того, с кем путешествуешь.

Я посмотрела прямо на него.

– Это всегда важно, – сказала я. – Хоть в Венеции, хоть в Венесуэле.

– Откуда вам знать? – рассмеялся он. – Вы бывали в Венесуэле?

– Нет. И в Венеции тоже.

– Но когда-нибудь вы там побываете. И когда это случится, надеюсь, рядом с вами будет правильный спутник. Должен признать, в Венесуэле мне бывать не приходилось, но в Венеции... Этот прекрасный город мне довольно хорошо знаком. Мне бы хотелось показать вам Венецию. Вам бы там понравилось... Скользить по каналам в гондоле... Или, скажем, во Флоренции... Ходить по лавкам на Понте Веккьо.

– Мне кажется, нет такого человека, который не мечтал бы повидать мир.

– Великое дело эти мечты осуществить. Вы так не считаете?

– Позвольте, я налью вам еще вина, – предложила я и пожалела, потому что это означало, что мне придется приблизиться к нему. Когда я протянула ему стакан, его пальцы прикоснулись к моим.

– Сегодня для меня счастливый день, – сказал он.

Я не ответила, и он продолжил:

– Вы не хотите завтра со мной покататься? Я знаю неподалеку превосходный трактир. Там восхитительно жарят говядину.

– Это исключено, – отрезала я. – У меня завтра дела.

– Можно в другой день.

– У меня нет свободного времени.

– Какая занятая юная леди! И все же я намерен дожждаться, когда вы будете свободны. Мне очень хотелось увидеть то место, о котором я столько слышал.

– Вы интересуетесь географическими картами?

– Очень! Но мне многое непонятно, я бы хотел, чтобы кто-нибудь мне все объяснил.

– В таком случае вы обратились не по адресу, – торжествующе заявила я. – Я почти ничего не знаю о картах. Вам придется сходить в мастерскую и поспрашивать там. Если бы брат был дома, он бы поговорил с вами.

– У вас есть брат? – Мне показалось, или он действительно немного встревожился?

– Да. Он сейчас в экспедиции. Исследует новые земли. Это самая важная часть в изготовлении карт.

– Понимаю.

– Он бы вам рассказал все, что вы хотите знать. Он всегда был очень увлечен этим занятием.

– Наверное, он старше вас.

– Старше, и у него никогда не было времени на сестру.

– Бедняжка. Вам так одиноко.

– Мне не одиноко. Вокруг столько интересного. Мне и не нужен никто.

– Вы такая самостоятельная. Это очень полезное качество.

– Да, наверное.

– Так что вы скажете о моем предложении?

Он до того настойчив, что трудно было ответить ему прямым отказом, не сказав правды, а именно, что мне не нравится его общество и что рядом с ним я испытываю тревогу, природы которой и сама не понимаю. Я думаю, это чутье. Поэтому я ответила уклончиво.

– На этой неделе я не смогу. Получится ли на следующей, не знаю.

Конечно, мистер Фезерстоун все понял. Он насмешливо усмехнулся.

– Я не отступлюсь от своего. Когда-нибудь я вас настигну, – заверил он.

Его слова прозвучали зловеще.

Как я была рада, когда он наконец ушел!

10 марта

Он сдержал слово. Все-таки он настиг меня. Жаль, что мне не хватило смелости сказать ему, чтобы он оставил меня в покое. Тот, кого воспитывали в таком уважении к хорошим манерам (можно даже сказать, в почтении), не может быть совершенно искренним.

Поэтому я просто держалась подальше от тех мест, где его можно было встретить, старалась как можно тактичнее избегать его. Мне он представляется человеком, который любит трудности. Поэтому, чем больше я сторонилась его, тем с большим упорством он искал встречи.

Вчера был чудесный день. Поля превратились в бело-золотые покрывала из ромашек, лютиков и одуванчиков. На каштанах и яворах уже начали пробиваться зеленые листочки.

Свежий ветер принес с собой тот особенный запах, который возвещает приход весны. Я люблю это время года, когда птицы словно сходят с ума от счастья.

Весна прекрасна! Как приятно пронестись галопом по лугам, а потом пройти неторопливым шагом по узким тропинкам, высматривая лесные цветы среди травы и на берегах ручьев, пытаюсь вспомнить их названия, которым меня учила мисс Брэй.

Десять дней уже прошло с тех пор, как отец с новой женой уехали в Италию. Вернутся они первого апреля, и тогда все будет по-другому. Я с волнением жду их возвращения. Каким оно будет? Я должна подготовиться к этому дню. Но что я могу? Мне не с кем посоветоваться. Разве что с мисс Брэй... Миссис Эггертон, будущей матерью. Но она, наверное, так готовится к появлению малыша, что не сможет думать ни о чем другом. Нет, я не могу вторгаться в ее блаженное существование. Нужно набраться терпения и ждать. Возможно, все будет не так уж плохо. Может быть, у страха действительно глаза велики. В конце концов, что плохого мне сделала мисс Гилмор? Она всегда была любезна со мной. И слишком строгим учителем она никогда не была. К тому же не раз предлагала свою дружбу. Так в чем же дело? Почему меня терзают плохие предчувствия? С мистером Фезерстоуном все обстояло так же.

Я как раз проезжала недалеко от того трактира, где впервые увидела его с мисс Гилмор, когда он нагнал меня.

– Здравствуйте, – произнес мистер Фезерстоун. – Вот так неожиданность.

– Я уже еду домой.

– Похоже, это ваш обычный маршрут, когда мы встречаемся. Как бы то ни было, вы, кажется, не спешите.

– Мне не хочется задерживаться.

– Я знаю, у вас много неотложных дел, но, может быть, хотя бы раз уделите мне немного времени? Не хотите ли подкрепиться? В этом трактире мы с вами впервые встретились, так что и повод подходящий, не правда ли?

Я заколебалась. Быть может, я вела себя неразумно. Я была так груба с ним, а это не красит. Да и потом, что плохого в том, чтобы выпить кубок сидра? Возможно, мне удастся как-то донести до него, что я предпочитаю гулять в одиночестве.

И я согласилась. Мы спешили и вошли в трактир.

Сели за тот самый стол, за которым он сидел с мисс Гилмор.

– Наши новобрачные скоро вернутся, – сказал он, когда принесли сидр. – Ваше здоровье и счастье, мисс Анна Алиса.

– Спасибо, и ваше.

– Я рад, что вы желаете мне добра, потому что, мне кажется, мое будущее существование будет зависеть от вас.

– Вы меня удивляете, мистер Фезерстоун.

– Вы удивлены лишь потому, что столь очаровательно невинны. Вы еще стоите на пороге жизни.

– Меня довольно сильно раздражает, когда люди указывают мне на мою молодость. Я не так уж молода.

– В самом деле. Вам, насколько мне известно, скоро исполнится семнадцать. Когда это случится? В славный день двадцать первого мая?

– Откуда вы знаете?

– Как говорят, одна птичка на хвосте принесла.

– Птица эта, я думаю, не такая уж маленькая. Вам рассказала мисс Гилмор.

– Мисс Гилмор более не существует. Есть счастливая миссис Мэллори. И вам не нужно раздражаться от упоминания вашей молодости. Молодость – это самый драгоценный подарок, который дают нам боги. К сожалению, он недолговечен. Очень жаль, правда?

– Я совсем не против быть немного постарше, уверяю вас.

– Все мы хотим быть постарше, когда молоды, так же как хотим быть моложе, когда стареем. Такова извращенная природа человека. Но к чему эти обобщения? Я хочу поговорить о вас.

– Боюсь, вы выбрали не самую интересную тему.

– Это увлекательнейшая тема, – возразил он и задал вопрос, который заставил меня вздрогнуть. – Что вы думаете обо мне?

Я покраснела. Разве могла я ему рассказать, что действительно о нем думаю? Я попыталась подобрать слова.

– Мне кажется, что вы очень... проницательны.

– О, спасибо. Что еще?

– Думаю, вы многое повидали.

– Проницательный, выдавший виды человек. Неплохо для начала. Что-нибудь еще?

– Я не могу понять, почему вы меня преследуете.

Он рассмеялся.

– Хотите, скажу, что я думаю о вас?

– Меня это не особенно занимает.

– Вы взрослеете и не всегда говорите правду. Все хотят знать, что о них думают другие.

Но я вам в любом случае скажу. Я думаю, что вы очаровательны.

Могу поклясться, я тогда покраснела до корней волос.

– И, – продолжил он, – я говорю *правду*.

Я попыталась изобразить безразличие.

– Теперь я буду говорить правду, – сказала я. – И я скажу, что вы, я в этом не сомневаюсь, многих людей моего пола находите... очаровательными.

– Вы догадливы. Я не стану этого отрицать.

– Это было бы бесполезно.

– И этого не будет, раз мы начали говорить правду. Но, – прибавил он, – вы из них самая очаровательная.

Я посмотрела на него с нескрываемой насмешкой.

– Прекрасный был сидр, – произнесла я. – Благодарю вас. Мне правда пора.

– Мы только что зашли.

– Чтобы выпить кубок сидра, много времени не нужно.

– Но смотрите, я еще не допил.

– Вы можете это сделать и без меня.

– Я не позволю вам возвращаться домой одной.

– Я одна из него вышла.

– Интересно, что скажет о ваших прогулках ваш отец, когда вернется?

– Он будет слишком занят своей новой женой, чтобы думать обо мне.

Его рука протянулась над столом, и я не успела отодвинуться. Он ласково сжал мою кисть.

– Так вы... ревнуете?

– Вот уж нет.

– Считается, что мачехи обычно настроены против неродных детей.

– Я бы не стала судить об этом заранее. У меня мачеха появилась всего десять дней назад, и то все это время она была в отъезде.

– Еще говорят, что браки – штука заразительная.

Я пожала плечами и, сумев наконец высвободить руку, встала.

– Вы настаиваете? – спросил он.

– Да.

– Как только разговор сделался интересным, вы хотите уйти.

– Вам это так интересно?

– Чрезвычайно интересно. Я вам говорю, как восхищаюсь вами. Вы не просто красивы. Вы прекрасны.

Я посмотрела на него презрительно.

– У меня есть превосходное зеркало, мистер Фезерстоун. Оно не рассказывает мне то, что я хочу услышать, но говорит правду.

Я вспомнила, как когда-то милая мисс Брэй утешала меня. «Может быть, вы и не писаная красавица, Анна Алиса, но у вас интересное лицо. Да, в общем, я думаю, вы можете стать очень даже привлекательной».

А он мне говорит, что я прекрасна!

– Волосы изумительного каштанового цвета. Глаза... Ваши глаза бывают разными. Какие они на самом деле? Карие? Зеленые? Серые?

– Этот цвет обычно называют «карий». И в них нет ровным счетом ничего примечательного.

– У вас красивые губы.

– Спасибо. На этом приятном замечании и закончим обсуждение моей внешности.

– Я бы мог говорить о ней бесконечно.

– В таком случае, боюсь, вам придется разговаривать с самим собой. Мне эта тема кажется ужасно скучной.

Он осушил кубок.

– Вы твердо намерены прервать этот приятный tête-à-tête?

Он встал рядом со мной и крепко сжал мою руку. Его лицо оказалось очень близко к моему, и на какой-то миг мне показалось, что он хочет поцеловать меня. Я в ужасе отпрянула.

– Я вам совсем не нравлюсь? – спросил он чуть ли не жалостно.

Я выдернула руку и пошла к выходу.

– Я вас почти не знаю, мистер Фезерстоун, – бросила я через плечо. – И я никогда не делаю поспешных суждений о людях.

– Думаю, когда вы узнаете меня получше, я вам понравлюсь.

Он настоял на том, чтобы помочь мне сесть в седло.

– Спасибо, – поблагодарила я. Несколько мгновений он смотрел на меня, а потом взял мою руку и поцеловал ее. Меня как будто укусила змея.

Потом он посмотрел на меня умоляюще и сказал:

– Позвольте себе узнать меня получше.

Я, не ответив, развернула лошадь. Показалось ли мне это, или его глаза действительно гневно сверкнули? Меня бросило в дрожь.

Домой мы скакали вместе, не разговаривая.

Мне все тревожнее.

23 марта

Еще неделя, и они вернутся. Мне этого даже почти хочется. Это был странный месяц, и, похоже, он весь был наполнен мистером Фезерстоуном.

Я стала гораздо реже выезжать, потому что знаю – он поджидает меня. Он каждый раз пытается сказать, что любит меня.

Но я не верю ни единому его слову. Мне даже, наоборот, иногда кажется, что он испытывает ко мне неприязнь. Несколько раз я замечала, как на его лице на мгновение появлялось недовольное выражение. Думаю, он привык к легким победам, и мое равнодушие его порядком раздражает.

Раньше я думала, что он влюблен в мисс Гилмор. О, как бы мне хотелось, чтобы это было так и чтобы они уехали куда-нибудь вместе!

Тогда все было бы совсем по-другому.

Если бы мисс Брэй не готовилась к рождению ребенка, я бы уехала к ней. Но я никогда не смогла бы объяснить ей, что чувствую. Лучше было ничего не предпринимать и продолжать эту игру в кошки-мышки, которую затеял мистер Фезерстоун. Мне все время приходит в голову это сравнение. Что делает кошка, поймав мышь? Играет с ней, притворяется, что отпускает ее, и ловит снова, прежде чем та успеет сбежать, пробует ее на зуб, мучает... и в конце концов убивает.

Кажется, я скоро доведу себя до безумия.

Иногда я просыпаюсь ночью от ужаса, когда мне вдруг начинает казаться, что он находится в доме. Однажды я даже встала с кровати и выглянула в коридор, как будто в самом деле ожидала увидеть его там. Иногда я подхожу к окну, которое выходит не на улицу, а во двор, за которым начинаются поля и лес, и ищу глазами притаившуюся фигуру.

А потом я смеюсь над собой. «Глупые фантазии. Разыгравшееся воображение», – говорю я себе.

Но эти мысли порождает страх, поселившийся в моем сердце. Почему я все время думаю о нем? Это похоже на предчувствие, предостережение.

«Когда они вернутся, все наладится», – твержу я себе.

Осталась всего неделя.

3 мая

Сегодня вспомнила про дневник. Сначала я не могла найти его и страшно испугалась, что потеряла его. Я начала вспоминать, что записывала в нем и что подумает мачеха, если он попадет к ней в руки. Я была уверена, что писала о ней что-то нелестное.

Наверное, нужно быть поосторожнее с тем, что пишешь, но какой смысл вести дневник, если ты не можешь записывать в нем то, что чувствуешь? Радости моей не было предела, когда дневник нашелся. Он все же был там, куда я его спрятала, в самой глубине комода, за перчатками и платками. Это надежное место, здесь его никто не найдет.

Они давно вернулись. Я встречала их и первым делом незаметно, но внимательно осмотрела отца. Он выглядел счастливым. Мисс Гилмор (нужно приучить себя называть ее мачехой) вся светилась. Она была в новом наряде, очень красивом. «Европейский», – говорили на кухне. «По французской моде». Хотя во Франции они, конечно же, не были.

Я начинаю думать, что, может быть, ошибалась в мачехе. Все вокруг твердят, какая они чудесная пара и как они рады, что папа «снова обрел счастье». Все соглашаются, что он вдовствовал слишком долго и что никто не может горевать вечно.

Все эти шаблонные фразы повторяются снова и снова. Как легко они слетают с языка! Человек, который их произносит, верит, что говорит что-то «правильное».

Мачеха взялась менять обстановку в доме. В некоторых комнатах уже стоит новая мебель. Со слугами она мало общается, и за это ее любят, хотя среди прислуги есть и такие, которые думают, что неправильно того, кто сам был почти слугой, выставить хозяйкой.

Впрочем, об этом постепенно забывают, и мачеха явно счастлива в своем новом положении.

Было решено, что я прекрасно обойдусь без новой гувернантки, но мачеха предложила, чтобы я под ее наблюдением каждый день прочитывала определенное количество страниц. Отец, слушая ее, одобрительно кивал головой. Я должна признать, что моими делами он так не интересовался со времени смерти матери.

Наблюдение за моим чтением с каждым днем ослабевает, и, думаю, скоро вовсе прекратится. Я этому рада.

У нас вышел небольшой спор о том, как я должна ее называть. Пару раз я, забывшись, назвала ее мисс Гилмор. Это ей не понравилось. Отцу тоже.

Удивительно, что человек может долго жить с кем-то под одной крышей и в разговоре обходиться без обращения... А со мной было именно так. Однажды, когда мы выходили из столовой, она обняла меня за талию и тихим, вкрадчивым голосом, который она время от времени пускает в ход, произнесла:

– Будет чудесно, если вы станете называть меня матерью... или мамой... или как-нибудь так.

– Я не могу, – вырвалось у меня.

– Почему? – Голос ее приобрел железные нотки. Я заметила, что отец побледнел, как от боли.

– Я слишком хорошо помню мать, – неуверенно произнесла я. – Никто не сможет...

Отец как будто хотел вмешаться в разговор, но она сказала, теперь уже ласковым тоном:

– Конечно... Конечно... – Слегка вздохнув, она мило улыбнулась. – Тогда, может быть, просто мачеха? Так вы сможете меня называть?

– Да, наверное, – ответила я.

Итак, я должна называть ее мачехой.

Но я знаю, что еще долго не буду называть ее никак.

1 июня

Мистер Фезерстоун все еще не уехал. Он подстерегает меня, как раньше, и я по-прежнему стараюсь по возможности избегать встреч с ним. Я решила больше не изображать деликатность, и между нами иногда случаются настоящие словесные битвы, которые мне, признаться, даются куда как проще, чем вся искусственная вежливость.

Когда он спросил:

– Вы надеялись от меня скрыться?

Я ответила:

– Да.

– Почему? – осведомился он.

– Потому что хочу быть одна.

– Столкновение желаний. А я хочу быть с вами.

– Не знаю, зачем это вам.

– Вы прекрасны. Вы разжигаете во мне огонь. А как вы находите меня?

– Вы во мне огонь не разжигаете и прекрасным не кажетесь.

– Я сам напросился, верно?

– Вообще-то, да.

– Вы удивительно прямолинейное создание!

– Надеюсь.

– И очень правдивое.

– Пытаюсь быть.

– Суровое.

- Нет, с этим я не согласна.
- Вы все время стараетесь меня уязвить побольнее.
- Вы сами напрашиваетесь.
- А что остается юноше, страдающему от безответной любви?
- Можно поискать удачи в другом месте.
- Но где еще я найду такую красоту и такой ум?
- Да почти где угодно на земле, – бросила я.
- Вы ошибаетесь. Они есть здесь... Только здесь... И мое сердце останется здесь.

Теперь уже я могла посмеяться над мистером Фезерстоуном. Страх перед ним почти прошел. После возвращения отца и его жены все как будто начало налаживаться. Преследование меня стало не таким навязчивым. Теперь я иногда могу покататься верхом, ни разу его не увидев.

Иногда я задумываюсь о будущем. Мне семнадцать. Мачеха говорит, нам нужно больше выходить в свет.

– Не забывай, – сказала она как-то моему отцу, – у тебя взрослая дочь, которой скоро выходить замуж.

– Я почти не вспоминал о своих отцовских обязанностях, пока ты не взялась за меня, дорогая.

– Мы должны подумать об Анне Алисе, – продолжила она. – Я приглашу людей.

Сегодня вечером к нам на ужин приходил Десмонд Фезерстоун. Я ждала этого с ужасом. Я ненавижу, когда он бывает у нас. Когда я думаю об этом, меня охватывает странный страх, хотя я никак не могу понять его причину. Чем он может мне навредить? У меня даже появилась идея сослаться на головную боль и не выйти к ужину, но я посчитала, что такая уловка слишком очевидна. Да и потом, в присутствии остальных ничего дурного не случится.

Я была права. Когда он взглянул на меня через стол, я поняла, что теперь все будет по-другому. Он вел себя очень сдержанно, был ко мне снисходителен... как взрослый человек может быть снисходителен к кому-то намного младше. Старательно называл меня мисс Анна Алиса и произносил мое имя так, будто считал меня недавней школьницей. Я не могла поверить, что это тот самый человек, который уверял меня, что я молодая женщина, предмет его страсти. Теперь мне не составило труда убедить себя в том, что до этого была всего лишь игра.

Я почувствовала, что это как-то связано с моей мачехой, и неожиданный поворот судьбы дал мне возможность убедиться в этом.

После ужина, когда все отправились в гостиную, я сказала, что пойду к себе ложиться спать. Я нередко так поступала, потому что, поужинав, они пили портвейн и часто засиживались допоздна. Хотя я и сидела за столом на правах взрослого человека, эта часть считалась несколько неподходящей для моих лет.

Я была рада возможности уйти, поэтому, поднявшись к себе, решила сделать запись в дневнике и обдумать странное поведение Десмонда Фезерстоуна и то, каким разным он бывает. Взявшись за перо, я услышала звук, цокот лошадиных подков, доносившийся из конюшни. Я подошла к окну и выглянула. Из конюшни выехал Десмонд Фезерстоун. Я быстро отодвинулась от окна, не желая быть замеченной.

Потом я услышала голос и узнала мачеху.

Говорила она довольно громко, и голос ее звучал вполне различимо.

– Это нужно прекратить, – произнесла она.

Последовало:

– Ерунда... Это просто игра.

– С меня довольно. Ты должен вернуться.

- Говорю тебе, это игра. Она всего лишь ребенок.
- Она умнее, чем ты думаешь. В любом случае это должно прекратиться.
- Ревнуешь?
- Ты бы лучше не забывал, что...

Голоса стихли. Я быстро повернулась к окну. Он уезжал на лошади, а мачеха смотрела ему вслед. Он повернулся, помахал ей, и она помахала в ответ.

Что это означает? Я понимала, что они говорили обо мне. Так, значит, ей было известно о его попытках флиртовать со мной, и она их не одобряла. Она хотела, чтобы они прекратились.

Судя по голосу, она была в ярости.

Я обрадовалась.

Но мне кажется очень странным, что она принимает это так близко к сердцу.

Закончив писать, я спрячу дневник подальше. Я рада, что завела его. Оглядываться назад и вспоминать так интересно.

5 июня

Сегодня я взялась за дневник, потому что произошло нечто поразительное. Десмонд Фезерстоун уехал. Это так странно. Он даже не попрощался. Просто исчез.

После того вчера, когда я подслушала его разговор с мачехой, я видела его лишь однажды, и он показался мне каким-то подавленным. Думаю, он все-таки прислушался к ее предупреждению.

В последнее время я все чаще думаю, что ошиблась в ней. Мне она не нравилась без какой бы то ни было причины. Но нельзя кого-то любить или не любить просто так. Теперь, вспоминая прошлое, я спрашиваю себя: я невзлюбила Лоис Гилмор только потому, что она была не мисс Брэй, к которой я так привыкла? Иногда людей одолевают подобные лишенные логики мысли.

Она всегда была добра со мной. Она из себя выходила, стараясь навести мосты, и сейчас, кажется, в самом деле озабочена тем, чтобы подыскать мне в мужья порядочного молодого человека. Отец счастлив в браке, и я полагаю, у него есть на то причины.

Несколько дней назад ему сделалось плохо. Я об этом узнала только днем, потому что мы вообще редко встречаемся. Иногда он не выходит к завтраку, но мы завтракаем в разное время и всегда сами накладываем себе еду из кастрюль, стоящих на буфете, так что, если кто-то отсутствует, это легко не заметить.

Но за обедом мачеха сказала, что он с утра не вставал. Она настояла, чтобы он лежал, потому что ему немного нездоровилось. «Не о чем беспокоиться, – сказала она. – Он уже не так молод, как ему хотелось бы».

Она заботливо выхаживала его. Когда я днем сходила к нему, он сидел на кровати с довольным видом. Думаю, он радовался тому, что мачеха суетится вокруг него, то спрашивает, не дует ли ему из окна, то порывается накинуть на него халат.

- Дорогая, ты меня разбалуешь.
- Ничего. Тебя невозможно разбаловать.
- Но ты так носишься со мной, Лоис.
- Конечно, я же о тебе беспокоюсь.

Я наблюдала за ними. Он выглядел таким счастливым... Она тоже.

Да, наверное, я в ней ошиблась.

Я попытаюсь ее полюбить. Я дала себе слово. Глупо было не принимать ее только потому, что я была расстроена расставанием с мисс Брэй... И тем, что она заняла место моей матери.

Нужно рассуждать здраво. Она сделала отца счастливым, и все говорят, как ему повезло с новой женой.

2 сентября

Мне очень стыдно оттого, что я так долго не бралась за дневник. Я действительно забыла про него. А не так давно мне понадобились серые перчатки, подходящие к моему новому платью. Я знала, что у меня есть такие, но не могла их найти, пока они не обнаружились в глубине комода, и вот, пытаясь их вытащить из ящика, я и наткнулась на дневник. Мне стало так стыдно. После всех обещаний себе писать в нем более-менее регулярно, я попросту забыла про него. Но мне кажется, что у тех, кто ведет дневник, такое случается довольно часто. Сначала они полны решимости, как было со мной, а потом забывают.

Но сейчас хорошее время, чтобы снова начать писать. Я перечитала свои предыдущие записи. Словно заново пережила все, что происходило со мною. И удивилась наивности некоторых своих суждений.

Под началом мачехи я зажила довольно мирной жизнью. Я очень старалась полюбить ее, но у меня не получилось, как я ни убеждала себя, что с моей стороны это несправедливо. Она так добра к отцу. Так заботлива с ним, когда у него случаются приступы. Это было уже трижды, и все три раза она не допускала к нему никого, сама за ним ухаживала. Он говорит, что она делает из мухи слона и что он не так уж болен.

Я слышала, как слуги загадочно перешептываются о мужчинах, которые женятся на женщинах намного моложе себя. «Для них это слишком. Они не выдерживают».

Мачеха настояла на том, чтобы он показался врачу. Доктор Браунлесс не смог найти ничего серьезного и просто посоветовал вести более размеренную жизнь. Отец прислушался к совету и перестал ездить в Грэйт Стэнтон каждый день, как прежде. Мачеха не особенно интересуется нашей мастерской, хотя изготовление географических карт очень доходное и уважаемое во всей стране дело. В Грэйт Стэнтон приезжает много людей, занимающихся картографией, чтобы встретиться с отцом и его управляющим. Они часто бывают у нас дома, и мачеха как хозяйка показала себя с наилучшей стороны.

Я слышала, как отец говорил ей: «Тот день, когда ты приехала учить Анну Алису, – самый счастливый в моей жизни».

А она горячо ответила: «В моей тоже». В общем, все довольны, и я не сомневаюсь, что отец только рад оставаться дома почаще, чтобы больше времени проводить с мачехой. К счастью, в мастерской есть толковый управляющий, который может вести дела сам.

Летом мы съездили в Бат. Мачеха посчитала, что лечение водами будет полезно отцу, а он сказал, что ради нее готов попробовать.

Мачеха намекнула, что там среди отдыхающих может сыскаться жених для меня. Но мне показалось крайне маловероятным, что я смогу найти кого-нибудь среди старых подагриков, в основном сопровождаемых любящими посплетничать женушками, а блестящие юные джентльмены, батские щеголи, вряд ли обратят внимание на меня. Я не раз слышала, как они во всеуслышание заявляли, что находят Бат чертовски скучным местом и готовы сию же минуту без промедления покинуть его и присоединиться к его королевскому высочеству. Там было немало охотников за богатыми невестами, которые рассматривали молодых женщин через монокли и несомненно сопоставляли их красоту с приписываемыми им состояниями. Были там и жеманные юные девицы, и не слишком юные одинокие дамы, очевидно, подыскивавшие себе мужей.

В Бате очень скоро мне захотелось домой, к лугам, полям и свободе. Я страдала от солнца, которое все как будто были обязаны терпеть, и чувствовала себя ужасно глупо в жакете, юбке и шляпке, которая совершенно мне не нравилась.

Как же долго тянулись те дни! Пить воду, принимать ванны, ходить в аббатство на службы, слушать концерты и время от времени посещать балы в Ассамблеях – вот и все, чем там можно было заниматься.

Мачеха вписалась в эту жизнь идеально. Многие считали ее очаровательной. Я заметила, что немало щеголей пожирали ее глазами. Однако, хоть она это замечала, и мне показалось, что я заметила в ней тайное удовлетворение, от отца она не отходила.

Похоже, ее интересовало исключительно мое продвижение. Но иногда у меня возникали сомнения, так ли это. Это чувство не покидало меня. Я ни в чем не была уверена до конца.

Несколько раз я выезжала на конную прогулку, но всегда вместе с отцом и мачехой, и, поскольку она не была любителем верховой езды, случалось это нечасто. Но я могла гулять по лугам и делала это каждое утро. Там были и другие люди, поэтому мне можно было ходить одной, и во время одной из таких прогулок я и встретила Десмонда Фезерстоуна. Последний раз я видела его довольно давно, и встреча эта стала для меня полнейшей неожиданностью.

Он, как обычно, церемонно поклонился, что меня всегда раздражало.

– Неужто сама мисс Анна Алиса! Кто бы мог подумать, что вас можно встретить здесь и... какое счастье... одну! Я удивлен, что вам это позволили.

– Сейчас утро, и я стала старше.

– И еще красивее.

– Вы остановились в Бате, мистер Фезерстоун?

– К чему эти церемонии? Я надеялся, что стал для вас Десмондом. Да, я здесь ненадолго. Как вам Бат?

– Очень красивый город. Мне нравятся лесистые холмы и архитектура.

– И вам нравится здешний *beau monde*?²

– Не особенно.

– Я бы хотел встретиться с вами наедине. Мне многое нужно вам сказать.

– Не вижу, что могло бы вам помешать сделать это прямо сейчас.

– Мне очень многое мешает. Вы, например.

– Я разрешила вам говорить.

– Если бы я вам хоть чуть-чуть нравился!

– Каким образом то, что вы мне нравитесь или не нравитесь, может повлиять на вашу способность говорить?

– С вами очень весело.

– Осмелюсь сказать, что, оставшись здесь, вы рано или поздно встретитесь с моей семьей. Люди здесь быстро знакомятся, а многие были знакомы еще до приезда.

– Анна Алиса.

Он подошел вплотную ко мне и сжал мою руку. Я, как всегда, отшатнулась.

– Лучше будет, если вы не станете рассказывать мачехе, что мы вот так встретились.

– Почему это?

– Она... э-э-э... может не одобрить этого.

– Мне, знаете ли, не нужно ее одобрение, чтобы с кем-то разговаривать.

– Я в этом не сомневаюсь, но, с другой стороны... Просто не рассказывайте ей, хорошо?

– Мне бы это и не пришло в голову. Думаю, я об этом уже забуду к тому времени, когда увижу их.

Он посмотрел на меня укоризненно и рассмеялся.

– Я не думаю, что вы меня забываете так легко, как хотите показать.

² Высший свет (*фр.*).

Я покраснела, потому что он был прав. Даже сейчас мне еще иногда снятся причудливые сны о нем, которые так легко наполняют мою душу тревогой. И даже там, на лугу, он сумел заставить меня почувствовать беспокойство.

– Я должна идти, – сказала я. – До свидания.

– До свидания. Мне бы хотелось...

Но я, не дав ему времени выказать, чего ему хотелось бы, бросилась прочь.

Я много думаю о нем. Мне показалось, что он был очень искренним, когда просил не говорить о нашей встрече мачехе.

Мне тогда подумалось: «Она не хочет, чтобы он мне докучал. Она действительно пытается меня защитить».

Это стало причиной моей очередной попытки заставить себя проникнуться к ней приязнью.

Я была рада, когда наше пребывание в Бате подошло к концу.

Почти сразу после возвращения у отца случился приступ... Немного более сильный, чем раньше. Мачеха хотела вызвать доктора, но отец отказался, посчитав, что в этом нет необходимости. Ему уже раньше говорили, что приступы вызваны перенапряжением, и поездка в Бат оказалась для него слишком тяжелой.

Она все же пригласила врача, но уже после того, как отец немного поправился. Объяснила, что волнуется и хочет, чтобы его осмотрел медик, и, чтобы угодить ей, он согласился.

Помимо поездки в Бат и встречи с мистером Фезерстоуном, не случилось ничего такого, что стоило бы записывать, и я думаю, что поэтому до сегодняшнего дня не вспоминала о дневнике.

И вот я сижу здесь, кусаю кончик пера и вспоминаю. Не упустила ли я чего-либо важного? События нужно записывать, когда они происходят. Это единственный способ сохранить истину. Но, оглядываясь назад, я не вижу ничего сколько-нибудь серьезного, чего бы я не вспомнила.

1 февраля 1792 года

Еще один долгий пропуск. Из меня явно вышел бы плохой летописец. Наверное, моя жизнь настолько однообразна, что я вспоминаю о дневнике, только если случается что-нибудь необычное.

На этот раз кое-что случилось. Сегодня мачеха рассказала нам про Фредди.

Я обратила внимание на то, что она в последнее время чем-то озабочена. Отец тоже это заметил.

– Ты не думаешь, что твоя мачеха нездорова?

Он был действительно взволнован.

– Почему вы спрашиваете, отец? – спросила я.

– Она, кажется... немного встревожена.

Я призналась, что обратила на это внимание.

– Я ее спрашивал, но она говорит, что здорова.

– Может быть, нам это показалось.

Очевидно, не показалось, потому что сегодня все стало известно.

Я пила с ними чай. Отец любит это. Ему нужно постоянное подтверждение того, что я не испытываю к мачехе неприязни. Я слышала, как он рассказывал людям, что у нас прекрасные отношения. «Это лучшее, что могло произойти для Анны Алисы и для меня», – повторял он.

Он обманывает себя, и, поскольку я не хочу его разочаровывать, когда он говорит подобное в моем присутствии, я просто молча улыбаюсь.

Интересно, почему она решила заговорить об этом при мне? Я уже так давно ее знаю и все равно продолжаю относиться к ней с предубеждением и иногда стараюсь найти этому причину, которой попросту не существует.

И вот, совершенно неожиданно, разлив чай, когда я передала отцу его чашку и взяла свою, она выпалила:

– Я хочу вам кое-что сказать.

– Ага! – воскликнул отец. – Значит, все-таки что-то есть!

– Я думаю об этом... уже довольно долго.

– Дорогая, нужно было рассказать мне.

– Я не хотела беспокоить тебя своими заботами.

– Лоис! Как ты можешь такое говорить! Ты же знаешь, я здесь для того, чтобы оградить тебя от забот. Когда я вспоминаю, как ты ухаживала за мной...

– Ах, это, – сказала она. – Это другое. То был мой долг, и я делала это потому, что мне этого хотелось больше всего на свете.

Мы молча ждали. Она прикусила губу, как будто собираясь с духом, а потом заговорила:

– Это моя невестка... Она умерла... Месяц назад.

– Твоя невестка? Ты не говорила, что... Я не знал, что у тебя есть семья.

– Она умерла неожиданно. Я узнала об этом, когда ее уже похоронили.

– О, моя дорогая, прими мои соболезнования.

Она какое-то время помолчала, слегка сдвинув брови. Отец смотрел на нее сочувствующим взглядом, давая ей время подобрать нужные слова, чтобы сказать то, что она хотела.

– Мой брат поссорился с отцом и уехал из дома. После этого он ни разу не возвращался, и только после его смерти мы узнали, что у него была жена. Теперь умерла и она, оставив после себя... ребенка.

– Печально, – промолвил отец.

– Понимаешь, мальчик остался сиротой и... Он ведь мой племянник.

– Ты хочешь поехать его навестить?

– Об этом я и хотела поговорить. Я должна поехать, понимаешь. Мне нужно чем-то помочь племяннику. Я не могу просто его оставить. Кто знает, что с ним может случиться.

Отец как будто даже вздохнул с облегчением. Не знаю, что он боялся услышать, но, как видно, его предположения не оправдались.

– Поедем вместе. Где это?

– В Шотландии. Думаю, мне нужно ехать одной.

– Хорошо, дорогая, как хочешь.

– Мне придется что-то решать с мальчиком. – Она опустила голову и стала крошить хлеб на тарелку. – Я давно хотела с тобой поговорить... Но все не решалась. Меня это очень сильно волнует.

– Я знал, что тебя что-то гнетет! – торжествующе произнес отец. – Поделись со мной, Лоис. Ты же знаешь, я сделаю все, чтобы помочь тебе.

– Я... м-м... хочу привезти мальчика сюда. Понимаешь, ему негде жить. Он может оказаться в сиротском приюте... А у меня сердце разрывается, когда я об этом думаю. Он же мой племянник.

– Моя дорогая Лоис, и это все? Нужно было давно мне рассказать. Это твой дом. Разумеется, твоему племяннику здесь будут только рады.

Она бросилась к отцу и упала рядом с ним на колени, потом взяла его руки и начала целовать.

Он был тронут. Я увидела слезы в его глазах.

Наверное, мне тоже нужно было расчувствоваться. Сцена была душещипательная. Но в голове у меня была лишь одна мысль: как театрально!

Меня не покидало чувство, что я смотрю спектакль.

1 марта

Фредди Гилмор появился у нас неделю назад. Это маленький бледный мальчик, довольно нервный. Моя мачеха для него непререкаемый авторитет. Он смотрит на нее с каким-то изумлением, как на богиню. Теперь у нее в доме два почитателя.

Фредди мне понравился с той минуты, когда я его впервые увидела. Ему восемь лет, но выглядит он младше. Когда я вызвалась заняться его образованием, мачеха очень обрадовалась. Она вообще намного теплее стала ко мне относиться. Наверняка это из-за Фредди.

У меня как будто появился еще один брат, хоть он и намного младше меня. Чарльз никогда не был настоящим братом. Он всегда смотрел на меня свысока, потому что был старше меня. Но я по отношению к Фредди ничего такого не чувствую. Я уже начинаю любить его, хоть он и прожил с нами еще совсем недолго.

Кажется, он очень благодарен нам за то, что мы взяли его к себе, так что я представляю, как несладко ему жилось прежде. Когда я начинаю спрашивать Фредди о его матери, он замыкается в себе и явно не хочет говорить о прошлом. Наверное, это оттого, что она совсем недавно умерла. Но о тете Лоис он всегда говорит очень почтительно.

Каждое утро, просыпаясь, я думаю о том, чему стану учить его сегодня, и это наполняет мою жизнь смыслом. Он смывленный мальчик, но я вижу, что его образованием почти не занимались. Он хочет учиться и все время что-то у меня спрашивает.

Отец не нарадуется на меня, на Фредди и, конечно же, все так же одурманен любовью к моей мачехе.

Он счастлив, что приехал Фредди, потому что это так радует Лоис.

Похоже, мы превратились в счастливую семью.

3 апреля

Была слишком занята, чтобы думать о дневнике, и только сейчас случилось нечто настолько важное, что я о нем вспомнила.

Ничего более волнительного со мной никогда не происходило.

Я встретила Магнуса Перренсена.

Случилось это самым банальным образом. Не так давно папа за обедом рассказал, что один его знакомый скандинав-картограф написал ему о своем сыне.

– Очень живой юноша, если верить его отцу. Он только что вернулся из тихоокеанской экспедиции и, похоже, всерьез заинтересовался практической стороной картографии.

– Я всегда считала это самой интересной ее стороной, – заметила я. – Открывать новые места, измерять расстояния не на карте, а по-настоящему.

– Ты романтик, моя девочка, – снисходительно ответил отец и повернулся к мачехе. – Нам придется принимать его у себя. Я думаю, ему здесь будет немного одиноко. Мастерс устроит его в Грэйт Стэнтоне, потому что его отец хочет, чтобы он пожил здесь и изучил наши методы. Я уже поговорил с Мастерсом, и он сказал, что у него дома пустует одна комната, и, если миссис Мастерс не откажется от лишних денег, он сможет остановиться у них. Возможно, он задержится здесь надолго.

Мастерс – это управляющий мастерской, настоящий знаток своего дела, похоже, считающий, что важнее изготовления географических карт на свете нет ничего.

– Мастерс в восторге, – продолжал отец. – Перренсены – великолепные мастера картографии. Одни из лучших. Они специалисты по морским картам. Ему не терпится встретиться с молодым человеком, тем паче что он только что вернулся из путешествия. Мы хотим

обучить его всему, чем мы тут занимаемся, и уж постараемся разузнать, чему новому научились картографы у него на родине.

– Вот самая лучшая черта картографов, – сказала я. – Они всегда друг другу помогают. В этом деле, кажется, не существует соперничества, как в других профессиях.

Отец рассмеялся.

– Жаль, что твоего брата сейчас нет, – сказал он.

Я кивнула. Мы, конечно, знали, что экспедиции, подобные той, в которой участвовал Чарльз, иногда длятся годами, но нам казалось, что уехал он уже очень давно.

– Я думаю, он вернется неожиданно, – произнесла мачеха. – Интересно, что он скажет, когда увидит здесь меня?

– Не сомневаюсь, что он будет только рад, – заверил ее отец. – Он умный мальчик.

– Я надеюсь, он совершил множество открытий, – вставила я. – Побывал в еще неизвестных местах... Увидел земли, на которые еще не ступала нога человека.

– Анна Алиса очень романтическая натура, – улыбнулся отец, переводя взгляд с меня на мачеху. – Будем надеяться, что Чарльз вскоре окажется с нами.

– Я на это надеюсь, – повторила я. – Фредди обожает карты. Я сводила его в мастерскую вчера, когда мы были в Грэйт Стэнтоне, и он очень понравился Мастерсу. Он все говорил «молодец, умница». Никогда не видела Фредди таким возбужденным.

Отец довольно заулыбался, а мачеха с гордостью в голосе пробормотала:

– У него светлая голова.

– О да, – подтвердила я.

– Анна Алиса счастлива, что у нее появился братик, – сказал отец.

Я посмотрела на мачеху. Ее ясные глаза были устремлены на меня. Мне показалось, что они наполнились слезами, но я не уверена.

Немного смутившись, я поспешила добавить:

– Но теперь нам нужно подумать о том, как нам встретить... Как его зовут? Этого... Магнуса.

– Магнус Перренсен. Да, нужно оказать ему достойный прием.

Я сейчас засела за дневник, потому что увидела его. Мне хочется сохранить то мгновение, когда он церемонно склонился над моей рукой, после чего его лучезарные голубые глаза встретились с моими и уже не отпустили.

Меня тут же охватило сильнейшее волнение, которое с тех пор не оставляет меня.

Не могу поверить, что сегодня вечером я увидела его впервые. Мне кажется, что я знаю его всю жизнь.

Жаль, что я так плохо разбираюсь в картах и почти не имею возможности участвовать в разговорах. Неважно. Я решила, пока он живет здесь, я буду учиться, потому что по нему видно, до чего он увлечен этим делом. Когда он говорит о картах, глаза его загораются. Он совсем недавно вернулся из картографической экспедиции по Тихому океану. Он так интересно и со знанием дела рассказывает о морях и островах, что меня охватывает острое желание побывать во всех этих местах. В нем чувствуется огонь, жизненная сила, и я не сомневаюсь – за что бы он ни брался, ему все удастся.

Он очень высокий, одевается по нашим меркам скромно, но мы все здесь немного превратились в щеголей под влиянием принца Уэльского и его друзей, которые, я уверена, часами спорят о длине камзолов и о том, как лучше повязывать шейный платок.

Магнус Перренсен был одет в строгое серое. Его сюртук немного светлее бриджей, чулки того же оттенка, что сюртук, на ботинках пряжки, но совсем простые. Как и все мужчины, он был в парике, но парик у него самый обычный, перевязанный сзади узкой черной ленточкой.

Но не имеет никакого значения, во что он одет. Когда имеешь с ним дело, все твоё внимание сосредоточивается на нём самом, на его притягательной личности. По-английски он изъяснялся без труда, но с едва уловимым акцентом, который мне показался очень привлекательным.

Отец долго расспрашивал его про экспедицию, и Магнус рассказал, что он потерпел кораблекрушение и думал, что уже никогда не увидит родных берегов.

– Боже мой! – воскликнула я. – Вы могли утонуть!

– Я долго плыл на плоту, – ответил он, – стараясь не попасть в зубы акулам. Занимался тем, что пытался подсчитать, как долго я так протяну.

– И чем же закончилось?

– Я увидел землю и оказался на острове.

Не знаю, может быть, у меня просто разыгралось воображение, но в тот миг мне показалось, что голос его слегка дрогнул, когда он это произнес. Как будто этот остров был для него чем-то особенным.

Я спросила:

– Остров? Что за остров? Я поищу его на карте.

– Когда-нибудь я расскажу вам о нём, – ответил он, и я обрадовалась, потому что его ответ означал, что мы проведем какое-то время вместе.

– Вероятно, в конце концов вас нашли и вы вернулись домой.

– Да.

– Наверное, ваш корабль утонул и все карты погибли, – покачал головой отец. – Какой удар!

– Верно. Но я поплыву туда снова.

– В море столько опасностей, – с грустью промолвил отец, и я догадалась, что он думает о Чарльзе. Потом отец прибавил: – Надеюсь, вам понравится у Мастерсов.

– Я в этом не сомневаюсь. Мистер Мастерс так много знает. Для меня большая честь и удовольствие разговаривать с ним.

– Я уверен, вам будет о чем поговорить.

– А миссис Мастерс... Она такая добрая. Она назвала меня худым и угрожает «откормить».

– Она милейшая женщина, – улыбнулся отец. – Мне кажется, она частенько бранит мужа из-за того, что ему карты интереснее ее стряпни.

– Она очень хорошо готовит.

– И мы надеемся, что будем видеть вас у нас... почаще, – добавила я.

Он улыбнулся мне.

– Этим приглашением я воспользуюсь с радостью.

Когда он ушел, я так разволновалась. Мне захотелось тут же броситься в свою комнату и записать все, что произошло. Записывая, я как будто снова пережила все это. Меня не покидает чувство, что этот вечер важен для меня. Мне хочется переживать его снова и снова.

3 мая

Каким же славным оказался апрель! Я много времени проводила с Магнусом Перренсеном. Днями он пропадает в мастерской, но я часто езжу на двуколке (с Фредди) в Грэйт Стэнтон, и мы наведываемся в мастерскую. Иногда я беру с собой корзинку с едой, и мы устраиваем пикник на природе. Или бывает, что мы просто сидим с ним в мастерской, жуем бутерброды, пьем сидр и разговариваем. Я это делаю, чтобы помочь ему освоиться.

Он блестящий рассказчик, и мы с Фредди слушаем его, разинув рты. Рассказывая об экзотических местах, он всегда показывает их на карте.

Он не против путешествия по суше, но больше его привлекает море.

На днях я сказала ему:

– Покажите нам остров, на котором вы спаслись после кораблекрушения.

На мгновение он замолчал, а потом неожиданно взял мою руку и сжал ее.

– Однажды я обязательно расскажу вам об этом.

Меня снова бросило в дрожь, как и в прошлый раз, когда он упомянул остров. Я понимала, что для него это не просто остров и что он хочет поговорить об этом со мной... наедине.

Тогда с нами был Фредди. Он сидел в углу с Мастерсом, который показывал ему какой-то из своих инструментов.

– Это называется штихель, – объяснял Мастерс. – Посмотри, какой у него острый резец. Он сделан из стали. Им режут. Посмотри на ручку. На что она похожа? На гриб? Правильно. Берешь вот так его в ладонь и обхватываешь пальцами. А теперь прижимаешь острый край к меди. Вот так. Давить нужно ровно.

Я улыбнулась.

– Он учит Фредди делать карты.

– Фредди способный ученик.

Что-то подсказало мне, что здесь он не сможет со мной поговорить об острове. Ему было нужно, чтобы мы остались наедине. Удивительно, но, хотя я его довольно часто видела, мы никогда не были по-настоящему одни. Когда мы встречались в мастерской, там всегда были люди, в других местах нас постоянно сопровождал Фредди. А когда он приходил в усадьбу, нас обычно окружало несколько человек.

Но для меня его присутствие изменило очень многое. Каждое утро я просыпаюсь в ожидании чего-то нового. Я много о нем думаю. Мне нравится, как его брови задираются вверх на концах. В нем чувствуется иностранец, и я нахожу это крайне привлекательным. Мне нравится его едва заметный иностранный выговор, нравится, как он непривычно для нашего слуха складывает слова в предложения.

Я поняла, что полюбила Магнуса Перренсена.

Что он чувствует ко мне?

Я ему интересна, очень интересна. Мне представляется, что невозможность остаться наедине огорчает его не меньше, чем меня. Но когда-нибудь мы преодолеем это препятствие.

Несколько дней назад мачеха сказала мне:

– Нужно не забыть про ваш день рождения. Думаю, мы устроим большой праздник. Вам исполнится восемнадцать. Я поговорю с вашим отцом.

– Я думаю, ему известно, что мне исполняется восемнадцать.

– В таких вещах он ничего не смыслит. Нужно будет пригласить побольше гостей.

Я пожала плечами. Целью приглашения гостей будет поиск для меня мужа. А я не хотела никого искать. Как бы то ни было, мне это представлялось крайне недостойным. Но теперь кое-что изменилось. Я нашла того единственного, кого могу полюбить, и у меня есть повод думать, что он ко мне небезразличен.

Впрочем, день рождения есть день рождения. Мачеха уже составляет список гостей и дает распоряжения на кухне.

– Как хорошо, что вы родились в мае, – говорила она мне. – Май такой чудесный месяц! Если погода не испортится, мы сможем расположиться в саду, устроить нечто наподобие *fête champêtre*³.

– Я уверен, ты с удовольствием возьмешься все это устраивать, моя дорогая, – ласково произнес отец. – Как хорошо, что ты есть у нас и так заботишься об Анне Алисе.

Мне шьют специальное платье для праздника. В усадьбу пригласили деревенскую швею, и мачеха сама просмотрела все модели. Мы остановили выбор на шелковом розо-

³ Праздника на лоне природы (*фр.*).

вом платье, которое, как ей кажется, подойдет мне лучше всего. Это будет платье с открытыми плечами и короткими рукавами, отделанными кружевами. У него широкий кружевной воротник, обтягивающий лиф и пышная юбка с оборками, каждая из которых тоже украшена кружевом. О, это настоящее изысканное платье, и я от него в восторге, потому что, когда я меряю его и стою неподвижно, а наша маленькая швея сидит на коленках передо мной, делая наметки и прикалывая булавки, мне представляется, что я стою перед Магнусом. Думаю, я понравлюсь ему в этом платье.

Я благодарна мачехе, которая так постаралась, чтобы у меня появилось это платье. Она словно благодарит меня за заботу о Фредди.

Я начинаю к ней привязываться? Не знаю. Когда любишь, весь мир воспринимается по-другому и, наверное, начинаешь любить всех.

Нет... Не всех.

Сегодня случилось событие, которое меня потрясло, и, вероятно, из-за этого я и пишу сейчас эти строки. Днем я сидела в саду. Дома было тихо. Отец отдыхал, что он делает почти ежедневно после того, что мы привыкли называть «его приступами». Я уверена, что они ослабили его, хотя он делает вид, что остается таким же, как прежде.

Мачеха уехала на двуколке в Грэйт Стэнтон за покупками и взяла с собой Фредди. Она сказала, что хочет купить ему что-то из одежды. Когда его привезли к нам, едва ли у него была пара сменных костюмов.

Я люблю сидеть в саду. От фасада усадьбы открывается чудесный вид на Грин: зеленая травка, старая церковь со шпилем до самого неба, стоящие рядом шесть старинных коттеджей. Посреди Грина находится пруд с утками и деревянной скамеечкой у воды. Но мне больше нравится вид с противоположной стороны дома. Я люблю наш луг, окаймленный еловой рощицей. Приходя в сад, я обычно иду в огороженный заборчиком розарий и сажусь в одно из плетеных кресел, которые стоят там.

Там я сидела и на этот раз, делая вид, что читаю, но на самом деле мечтая о том, как встречу с Магнусом. Наедине. Сегодня он с нами обедал, и у меня сердце замирало от счастья. Надежда на то, что удастся поговорить с глазу на глаз о действительно важном, меня не покидала.

– Мисс Анна Алиса... – раздался голос одной из горничных. – Вас спрашивает джентльмен.

Я подскочила.

Мысли мои были полны Магнусом, и я по глупости решила, что это он, поэтому и не спросила имени. Каково же было мое изумление, когда вместо Магнуса я увидела Десмонда Фезерстоуна.

Я почувствовала, как по телу прошел холодок мрачного предчувствия, которое он мне так часто внушал в прошлом.

– Мисс Анна Алиса. Рад видеть вас.

– О... Мистер Фезерстоун... Давно мы вас здесь не видели.

– Я скучал по нашим встречам... Очень.

– Так вы вернулись.

– Увы, ненадолго.

– Давайте пройдем в гостиную. Быть может, вы хотите перекусить с дороги?

– Я пришел увидеть вас... Все остальное неважно.

– Прошу, входите. – Я провела его в маленькую гостиную рядом с передней. – Прошу, присаживайтесь.

Он положил шляпу на стол.

– Схожу велю принести чего-нибудь. Хотите чаю?

– С удовольствием.

– Пойду распоряжусь.

– О, прошу вас... – Он протестующе поднял руку, несомненно, удивляясь тому, что я не дернула шнурок звонка, чтобы вызвать слугу. Но у меня на это были причины, и я поспешно покинула гостиную.

Я бросилась к комнате отца. К счастью, он был у себя, дремал в кресле.

– Папа, у нас гость, – воскликнула я. – Друг мачехи. Мне кажется, вы должны спуститься к нему.

– Конечно, конечно. Друга моей жены нужно принять как полагается. Он представился?

– Это мистер Фезерстоун.

– Ах да! Припоминаю.

– Он в маленькой гостиной. Вы спуститесь? Я пойду велю приготовить чай.

Он спустился вместе со мной и вошел в гостиную. Вернувшись, я застала Десмонда Фезерстоуна за разговором с моим отцом.

Мне показалось, что при моем появлении он посмотрел на меня осуждающе. Принесли чай. Они разговаривали о погоде, а потом Десмонд Фезерстоун участливо поинтересовался здоровьем отца. Отец ответил, что здоров как бык. Не думаю, что он сказал правду, но после свадьбы он все время настаивал на том, что прекрасно себя чувствует.

– Давно я у вас не бывал. Мисс Анна Алиса вытянулась, честное слово!

– Скоро у нее день рождения. Восемнадцать лет исполняется.

– В самом деле! Замечательный повод для праздника.

Меня этот разговор начал раздражать. Мне было крайне неприятно, что они говорят обо мне так, будто я не стояла рядом с ними, словно я была ребенком, чей рост заслуживал обсуждения.

– Да, – сказал отец. – Конечно же, мы будем праздновать. Моя жена так к этому готовится, точно это ее день рождения.

– И когда это великое событие случится?

– Через несколько дней. Если точнее, двадцать первого. Не знаю, сколько гостей будет. Список постоянно растет.

– На правах старинного друга семьи мисс Мэллори позволю себе бестактность... И попрошу вас пригласить и меня.

– Для друга миссис Мэллори у нас всегда открыты двери, правда, Анна Алиса?

Я была рада, что он не стал дожидаться ответа, хотя Десмонд Фезерстоун с любопытством приподнял брови.

Отец продолжил:

– Мы надеемся, что боги окажутся милостивы, и вечер будет теплым. Если придется собраться в доме, боюсь, нам будет тесновато.

– Я уверен, боги будут милостивы в такой знаменательный день, – произнес Десмонд Фезерстоун.

Я рассердилась. Так он, значит, будет на моем празднике. Меня охватило тяжелое предчувствие, что он его испортит.

Прошло немало времени с тех пор, как я в последний раз думала о нем, и вот он явился собственной персоной.

Когда вернулась мачеха, я поняла, что она не меньше моего поражена, увидев Фезерстоуна, и заметила, что приветствовала она его подчеркнуто холодно.

– Я снова оказался по соседству, – пояснил он. – И знаю, вы бы никогда не простили меня, если бы я не зашел к вам.

– Надолго? – осведомилась мачеха довольно бестактно, как мне показалось.

– Все зависит от дела.

Отец сказал:

– Мистер Фезерстоун дал слово, что придет на праздник.

– Вот как, – негромко промолвила мачеха.

Я обрадовалась, когда он ушел.

И все же я уже не чувствовала себя так беззаботно, как прежде.

21 мая

Мой день рождения и самый захватывающий день в моей жизни! Как удивительно, что это произошло именно в мой день рождения!

С утра небо заволокло тучами, и мы все очень боялись, что пойдет дождь. Слуги то и дело выбегали на улицу проверить, не началось ли.

Я рассматривала свое платье, висевшее в шкафу, наверное, раз двадцать, не меньше. Никогда еще у меня не было такого красивого платья. Я упросила мачеху разрешить Фредди лечь спать хотя бы на час позже. Она неохотно согласилась, но неохота ее, кажется, была притворной. Она по-настоящему любит Фредди, и это установило связь между нами... Несмотря на мое противление.

Днем тучи развеялись, и все сказали, что погода все же наладится. Ветер прекратился, и было решено, что, если не пойдет дождь, будем начинать, как и планировали, на свежем воздухе.

Мачеха чувствовала себя в своей стихии, руководила, организовывала, раздавала направо и налево команды. Отец взирал на нее с недоумением и нежностью. Как же он изменился после свадьбы! По крайней мере мачеха сделала его счастливым. Я уверена, он никогда прежде не был таким... Даже когда была жива мама.

Начали прибывать гости. Я, отец, мачеха и малыш Фредди как полноправный член семьи принимали их.

Как я обрадовалась, когда появился Магнус в сопровождении Мастерса! Меня поразило, как элегантно он выглядел в своем простом костюме. При виде его мне стали казаться смешными любые излишества, столь любимые задающими ныне тон в моде пустыми франтами и щеголями.

Погода установилась идеальная. Даже луна показалась на небе, придав происходящему еще более волшебный вид. Гости вскоре разбрелись по лугам и садам. Угощения должны были подавать в передней и столовой, чтобы люди, при желании, могли выйти и посидеть с едой в саду.

Все это омрачало одно: присутствие Десмонда Фезерстоуна. И мне казалось, что он подобрался ко мне все ближе и ближе.

Как же я радовалась, что Магнус так же твердо вознамерился весь вечер оставаться рядом со мной, и нам вместе удалось помешать осуществлению планов Десмонда Фезерстоуна!

Фредди ушел спать, когда ему велели. Он послушный мальчик и, по-моему, привык выполнять указания, не задавая вопросов. У меня подобное качество вызывает только жалость, и я часто думаю о том, какой должна была быть его жизнь с невесткой моей мачехи. Я никогда не расспрашивала его об этом, потому что чувствую, как он нахохливается, когда разговор заходит об этом. Наверное, мальчик хочет оставить это в прошлом.

Разумеется, раз это был мой день рождения, мне приходилось выполнять кое-какие обязанности и перед другими гостями. Я потанцевала с несколькими друзьями отца. Среди них были и именитые картографы, съехавшиеся из разных уголков страны.

Я могла разговаривать с ними о картах гораздо более уверенно, чем раньше, и все это благодаря Магнусу.

Правда, может быть, я показалась им слегка рассеянной, но это потому, что я все время думала о том, как бы поскорее вернуться к Магнусу, и, когда я возвращалась, он ждал меня, желая быть со мной так же страстно, как я желала быть с ним.

А потом были те несколько упоительных мгновений в цветнике, наполненном опьяняющим ароматом роз. Я всегда буду помнить этот окруженный невысокой стенкой розарий таким, каким он был в двадцать первый день мая 1792 года, потому что то был волшебный вечер. Я не забуду его, сколько буду жить.

Мы сели рядом на двух плетеных креслах, которые поставили у стенки, лицом к кованной калитке, чтобы сразу заметить, если кто-нибудь будет приближаться.

Из дома доносилась игра скрипки, то и дело раздавались взрывы смеха. Благоухающий воздух был тепл и свеж.

Он взял мои руки и поцеловал их.

А потом сказал:

– Как только я увидел вас, я понял.

– Я тоже.

– Как будто какая-то искра прошла между нами... Искра понимания. Да? Вы понимаете меня, я понимаю вас.

– Да, именно так и было.

– Жизнь прекрасна, но мне кажется, что такая гармония случается редко.

– Она бесценна.

– Мы сохраним ее такой.

– Магнус, – спросила я, – а что будет дальше? Ведь ваш дом не здесь.

– Да, – сказал он. – Я здесь на год... может, чуть дольше. А потом мне нужно возвращаться домой. Мы поженимся.

– И будем жить долго и счастливо... Прямо как в сказке.

– У нас будет много детей. Они станут работать с нами. Они будут исследовать мир. Это прекрасная жизнь.

– Я так счастлива, – промолвила я. – По-моему, еще никто и никогда не был так счастлив на свое восемнадцатилетие.

Немного помолчав, он добавил:

– Мы вместе отправимся на поиски моего острова.

– Ах да! Остров. Я все время чувствовала, что вы хотите рассказать мне о нем.

– Давайте я расскажу сейчас. Это место больше всего похоже на прекрасный сад. Я так давно хотел поговорить с вами об этом. Иногда это похоже на какой-то волшебный сон. Порой мне кажется, что я выдумал это место.

– Расскажите, мне ужасно хочется узнать.

Поколебавшись мгновение, он начал:

– Я попал в те широты с экспедицией, целью которой было составление морских карт. Мы знали, что там находится еще множество островов, кроме уже известных, и мы хотели их найти. Я, кажется, нашел один. Я даже уверен, что нашел. Но все по порядку. Мы плыли через Тихий океан от Сандвичевых островов, где лет десять назад капитан Кук погиб под палицами туземцев. Как же мне описать вам, что чувствуешь, когда плывешь по морю, где, возможно, ни один человек еще не плавал до тебя? Капитан Кук совершил так много открытий, что я побаивался даже, что нам ничего не осталось...

– Расскажите про остров, который вы открыли.

– Да, вы должны знать: я хочу, чтобы мы вместе отправились на его поиски. Я не буду знать покоя, пока не увижу его снова. И, когда это случится, я хочу, чтобы вы были рядом.

Я подняла руку, чтобы прикоснуться к его щеке, он перехватил ее и покрыл поцелуями.

– Вы почувствуете то, что чувствовал я, – продолжил он. – Почувствуете зов моря. Оно ждет нас. Ждет, когда человек его исследует... приручит и станет использовать себе во благо. Как же нам повезло родиться на этой Земле! Но я хотел рассказать о своем острове.

– Да, да, расскажите. Мне иногда кажется, что вы скрываете... не хотите говорить со мной об этом. Вы говорите, что расскажете, а потом... Начинаете сомневаться. Что же не так с этим островом?

Несколько секунд он молчал, потом продолжил:

– На море был штиль... Такой штиль, что трудно было поверить, что под нами море. А потом в считанные секунды начался шторм... Такой шторм вы и вообразить не можете, Анна Алиса. Вам не представить ярости урагана, ветра, подобного тысяче демонов, воющих, визжащих, стегających дыблящиеся волны так, что море становится похожим на бурлящий котел. Дождь под неистовым напором ветра не падает сверху вниз, а летит горизонтально. Ураган похож на безумца, который в приступе ярости хочет разрушить все, что оказывается у него на пути. В такой шторм у судна нет шансов спастись. Я знал, что это случится. Мы молились, чтобы произошло чудо, но знали, что этого не будет. Мы знали, что судно не выдержит этого бешенства. Я понял, что настала моя последняя минута. Как ни странно, после этого я успокоился. Больше всего я жалел о том, что так и не открою новых земель, еще не известных человечеству. Мое имя умрет вместе со мной. Жизнь моя – пустяк, мелочь, не имеющая никакого значения, но у меня были грандиозные планы. Магеллан, Генрих Мореплаватель, Дрейк, Кук, Птолемей, Меркатор, Хондиус... Я мечтал стать одним из них. Человеку, чтобы заявить о себе, нужно время. Я с тех пор часто думал о людях, которых смерть забрала молодыми. У них не было возможности осуществить свои мечтания. Тогда мне показалось, что я стану одним из них.

Море швыряло нас, как щепку. Вверх, вниз, в одну сторону, в другую. Ветер завывал, как будто в насмешку над нами, а дождь, гром и молнии делали все, чтобы лишить нас последних крупиц мужества. И прямо посреди бушующего моря судно развалилось... Палуба вылетела у нас из-под ног, куски бортов и мачт полетели в воду. Надежды не осталось. Мы были обречены.

Мне каким-то чудом удалось уцепиться за бревно, вероятно, осколок палубы. В том, что конец близок, я не сомневался. Выжить в таком море было невозможно.

Я примерно представлял, где мы находились до того, как начался шторм, но не имел возможности вычислить, куда нас занесло. Думал я об одном: как удержаться на своем обломке бревна. Море швыряло его из стороны в сторону. Я уходил под воду... а потом снова всплывал. Я закрыл глаза и стал ждать смерти.

Говорят, когда человек тонет, ему вспоминается вся его жизнь. Он вспоминает каждую подробность... детство... школу. Со мной такого не было. Быть может, из-за того, что я слишком замерз. Не знаю, как я удержался на своем плоту. Но, очевидно, я это сделал, и прошлое мне не вспоминалось. Все существование мое тогда сосредоточилось на одном: не отпустить кусок древесины, единственное, что могло мне помочь в борьбе с бушующим морем. Борьба истощила мои силы, и я почувствовал, что сознание ускользает.

Когда я пришел в себя, все полностью изменилось. Я услышал легкий шелест набегающих на песок волн. Дул едва заметный свежий ветер. Открыв глаза, я увидел чистое голубое небо и море, спокойное, как озеро. Какой мягкой и ласковой была эта прозрачная синь. Позже я узнал, что оно может быть и чисто-зеленым. Это море казалось не похожим ни на одно из тех морей, которые я повидал по всему миру. Но я оказался у острова, и там все было по-другому.

– Значит, вот как вы попали на остров?

– Да, так я попал на остров. Открыв глаза на берегу, первым делом я увидел... людей. Они сидели на корточках в некотором отдалении от меня. Высокие мужчины и женщины

с голыми детьми смотрели на меня большими удивленными темными глазами. У них была светло-коричневая кожа, на голове – копна темных волос. Я заметил, что все они обвешаны украшениями, отчего казалось, будто их тела сделаны из золота. У женщин на шее и лодыжках висели цветы.

Самый рослый из мужчин – я принял его за вождя – подошел ко мне и что-то произнес на языке, которого я не понимал. Я попытался объяснить... Но все было и так понятно. Мое состояние и кусок дерева, который вынес меня на берег, говорили сами за себя.

Все то время, пока я находился там, в основном мы общались знаками, жестами и мимикой. Они принесли носилки из нескольких нетолстых бревен, связанных травой, и уложили меня на них. У меня не осталось сил, чтобы идти самому. Двое мужчин понесли меня в одну из хижин, круглую, с соломенной крышей. Позже я узнал, что то была хижина вождя. На земляном полу внутри хижины стояли грубые скамьи. На одну из них меня бережно уложили, несколько человек обступили меня и начали рассматривать. Мне принесли еду: манго, папайю, сладкие бананы, орехи и еще фрукты, которых я никогда прежде не пробовал. Меня напоили чем-то огненно-горячим, отчего у меня закружилась голова и все поплыло перед глазами. Когда я отвернулся, мне принесли кокос с молоком.

Я пытался представить, что они хотят со мной сделать. Конечно, я слышал рассказы о свирепости туземцев некоторых отдаленных земель. Капитана Кука забили насмерть палками, когда он высадился на Сандвичевых островах, чтобы вернуть украденный с корабля баркас. Мне бы могли мерещиться видения страшной смерти, которую они мне готовили, но этого не было. Как ни странно, я сразу почувствовал доброту этих людей. Высокие и сильные, они могли быть воинственными, но в них была какая-то мягкость, и, несмотря на мое положение, я не чувствовал страха.

Утолив голод, я провалился в глубокий долгий сон. Время от времени просыпаясь, я всегда замечал устремленные на меня темные глаза, иногда несколько пар. Мне подносили еду: кокосовое молоко и еще какой-то фрукт, которого я раньше не пробовал, но знал, что это плод так называемого хлебного дерева.

Я думаю, что они ухаживали за мной самое меньшее дня четыре, прежде чем я окончательно окреп.

Когда я встал, они захлопали в ладоши, закричали, а один из них выбежал из хижины и начал бить в некое подобие примитивного барабана, что, как я позже узнал, служило призывом к общему сбору. Следующий час, или около того, я не забуду никогда. Туземцы начали входить в хижину, чтобы поглазеть на меня. Они ходили вокруг меня, щупали, удивляясь, догадался я, белизне моей кожи. Они с изумлением заглядывали в мои голубые глаза, но больше всего их поразили мои светлые волосы.

Никакого страха я не испытывал. Вот что самое удивительное. Вокруг меня стояли рослые, крепкие мужчины и женщины в сверкающих золотых украшениях и цветах. Они могли меня пытаться, могли убить самым жутким способом... Но тогда мысли об этом мне не приходили в голову. Лишь покинув остров, я впервые подумал об этом.

Это были счастливые люди. Они много смеялись, приседали на корточки вокруг меня, трогали мои волосы снова и снова, протягивали фрукты и разбитые кокосы с напитком.

Я сел рядом с вождем. О том, что это вождь, я догадался по количеству его украшений. На нем их было больше, чем на остальных. Да и держался он властно.

Вот... Таким был мой остров.

– И как долго вы на нем прожили?

– Не знаю. Я потерял счет дням. – Он повернулся ко мне. – Я должен найти его. Все на нем было таким необычным, мне даже порой казалось, что такого места просто не может существовать, что это плод моего воображения.

– Разве такое возможно?

– Нет, невозможно. Я на самом деле побывал там.

– Расскажите еще. Расскажите все, я хочу знать все, что случилось с вами в этом приключении.

– Мы общались знаками. Я выучил несколько их слов. «Идти», «приходить» – такого рода слова. Этот народ жил в благоденствии, потому что у них было все, что они хотели. Рыбы и фруктов хватало всем. Они выращивали какие-то растения, которых я никогда раньше не видел. Еду они готовили в земляных печах, которые представляли собой зарытые в землю золотые горшки, нагреваемые лучами солнца, и иногда использовали особую конструкцию, наполненную сухой травой, в которой доведенные до кипения продукты томились до окончательной готовности. Питались они большей частью рыбой, которая водилась у острова в изобилии и ловилась без особого труда. Вся их одежда была сплетена из листьев или волокон растений. Жили они просто, и никогда, ни в одном другом месте я не наблюдал такой гармонии, как на том острове. Они просто верили в добро... Работали сообща... Один за всех и все за каждого... То был рай, Анна Алиса.

Там было золото, металл, который мы называем драгоценным, и его было так много, как рыбы в море или фруктов на деревьях. Самородки можно было заметить в любом ручье, прямо на земле. Можно было взять пригоршню земли и найти в ней золотые крупницы. Они научились его переплавлять в ожерелья и браслеты. Их они полировали и поднимали к солнцу. Наверное, они считали, что золото сохраняет в себе частицу солнца и именно поэтому они так широко его использовали. Туземцы поклонялись солнцу, родителю всего живого. Каждое утро они наблюдали за его восходом, приветствуя радостными возгласами, и каждый закат они провожали его в торжественной тишине. Помню, я стоял с ними на берегу и смотрел, как большой огненный шар уходит за горизонт. Я могу рассказывать об острове бесконечно.

– Я буду рада услышать.

– Я жил с ними... Как долго? Не могу сказать. Я почти стал одним из них.

– А вам не хотелось вернуться домой... к семье?

– Странно, но я не думал об этом. Все это казалось каким-то другим миром. Я забыл о своих больших планах бороздить моря и открывать новые земли. Я сосредоточился на том, чтобы жить их жизнью. Я рыбачил с ними, с их помощью я построил хижину. Я жил так, как жили они, и понимал, что это великое счастье. Это трудно объяснить. Думаю, это как-то связано с врожденным добронравием этих людей. Если бы я сам этого не увидел, я бы ни за что не поверил, что такое место может существовать.

– Почему вы покинули этот остров? Как это произошло?

– Порой мне кажется, что во всей этой истории есть что-то мистическое. Поэтому я так неохотно рассказываю о ней. Они питались рыбой, и, как я уже говорил, рыбы было много. Большую часть дня мы проводили в лодках. Это были примитивные суденышки наподобие каноэ. Тот день я хорошо запомнил. Те лодки рассчитаны на двух человек, и мы рыбачили парами. Чаще всего я выходил в море с одним из них, чье имя звучало похоже на Вамгум. Мы были друзьями. Он научил меня нескольким их словам, и я даже мог худо-бедно объяснить, чего хочу. Я же научил его нескольким своим словам.

И вот однажды мы с Вамгумом вышли в море. Палящее солнце висело высоко в небе. Для защиты на лодке имелась небольшая соломенная крыша. Мы не сразу принялись ловить рыбу. Сначала мы шли на веслах, а потом какое-то время плыли по течению, все отдаляясь от берега. Помню, я обернулся и посмотрел на остров, буйный, зеленый и прекрасный. Я запел одну из народных песен моей страны, которая всегда нравилась им. Вамгум заслушался и закрыл глаза. Потом и я задремал.

Когда я проснулся, свинцовые тучи заслонили солнце. Было почти темно. Встревожившись, я разбудил Вамгума. Он в страхе обернулся. Острова уже не было видно. Порыв ветра качнул каноэ.

В тропических морях штормы начинаются стремительно. С неба обрушился дождь, засвистел ветер. Все повторялось снова, и на этот раз я был в хрупком каноэ. Мы не могли противиться стихии. В следующий миг мы оказались в воде и стали цепляться за борта каноэ. Неожиданно Вамгум исчез. Огромная волна обрушилась на каноэ, разбила его на части и швырнула их высоко в воздух. Я вцепился в кусок древесины, в точности, как прежде. Смерть близко подобралась ко мне. Я подумал, что это конец, но продолжал цепляться за деревяшку. Мне удалось лечь на нее, и я оказался над водой. Меня бросало и трясло, но каким-то чудом мне удавалось не отпускать кусок каноэ.

«Нет, не может быть, чтобы это опять происходило со мной, – думал я. – В тот раз я был спасен для какой-то особой цели, но сейчас, верно, пришел мне конец».

Не знаю, как долго меня носило по морю. Все повторилось, как в тот раз: холод... ускользающее сознание... готовность пойти на дно. Я потерял счет времени. Я не понимал, день сейчас или ночь. Я мог только цепляться за мою деревяшку и гадать, какая из гигантских волн выбьет из меня дух.

Ветер прекратился неожиданно. Море все еще ярилось, но мой осколок каноэ уже не нырял под воду. Небо прояснилось, но только для того, чтобы обнажить солнце, настолько беспощадное, что мне чуть не захотелось, чтобы шторм вернулся. Постепенно море успокоилось. Не знаю, как долго я, истощенный, плавал по почти неподвижному морю.

Меня подобрало случайное судно, когда я уже не понимал, где я и кто я. Помню, как лежал в тени на палубе этого судна, как к моим губам прикладывали сосуд с каким-то холодным питьем. Кажется, я бредил. Я разговаривал с островом.

Мало-помалу я вышел из этого состояния. Ко мне пришел корабельный доктор. Он сказал, что судно держит курс на Роттердам, и что я лишь благодаря какому-то чуду остался жив после таких испытаний. Мало кому удавалось так приблизиться к смерти и спастись. Я мучился от солнечного удара, голода и истощения. Но я был молод, силен и еще до того, как плавание подошло к концу, полностью восстановил силы.

– Невероятное приключение! Но, наверное, если бы этого всего не случилось, вы бы сейчас здесь не сидели.

Вид у меня был такой жалостливый, что он рассмеялся.

– Вы бы не узнали меня, поэтому не стали бы скорбеть обо мне.

– Я никогда не отпущу вас в плавание без меня.

– Поплывем вместе.

– И вы все еще хотите разыскать остров?

– Я должен. Это моя жизнь... Я чувствую, что должен плавать и открывать новые места. Кроме того, мне нужно вернуться на остров.

– И вы сможете его найти?

– Это будет непросто. Я поговорил об этом с моряками. Они посчитали, что все это мне привиделось в бреду. Остров с добрыми дикарями, где правят любовь и дружба, где рыбы и фруктов хватает на всех, где золото лежит под ногами и из него делают горшки для приготовления пищи. Я и впрямь был в бреду. И знаете, Анна Алиса, в иные минуты я действительно начинал верить, что просто придумал все это. В том, что я пережил кораблекрушение, сомнений не было, как и в том, что меня подобрало другое судно и на нем я вернулся домой. Но все остальное? Возможно ли, что остров привиделся мне, пока я плавал в беспамятстве на обломке бревна? Или же он существовал вне моего воображения?

– Но вы не могли провести столько времени на бревне.

– Это было не так уж долго. Вряд ли я пробыл на острове больше пары недель. Хотя мне это показалось почти бесконечностью... как мне сейчас вспоминается. Восходы, сменяющиеся закатами. Бесконечные дни. Я ни в чем не уверен. Порой мне кажется, что они правы. Поэтому я должен вернуться и найти этот остров.

– Я поплыву с вами.

– О, Анна Алиса, я знал, вы поймете, что я чувствую. Я понял это в первый же день, в то самое мгновение, когда увидел вас. Я хочу показать вам карту. Я высчитал примерное расположение острова. Я знаю, где мы плыли, и знаю, где мы попали в шторм. Если мои расчеты ошибочны, то ненамного.

– О, прошу, покажите!

– Покажу.

Он обнял меня и прижал к себе. А потом приложил ладони к моим щекам и поцеловал. Наши руки переплелись, и мы простояли так несколько минут.

Потом где-то в отдалении я услышала звук шагов, но мне хотелось одного – быть рядом с Магнусом.

Тишину нарушил голос.

– Я не понимаю тебя. Почему бы не взять и не сделать этого? Это просто. Да что случилось с тобой? Ты изменилась. Понравилось жить простой жизнью, а? Хочешь нарушить сделку?

Это был голос Десмонда Фезерстоуна. Грубый, злой голос. Никогда раньше я не слышала, чтобы он говорил таким тоном. Я удивилась, с кем он может так разговаривать? Неужели с моей мачехой? Нет, не может быть. Я не могла себе представить, чтобы кто-нибудь осмелился с ней так говорить.

– Что это? – спросила я Магнуса.

– Кажется, кто-то проходил мимо. Слышите?

Шаги удалялись.

– Как видно, они передумали и оставили этот прекрасный сад нам, – улыбнулся Магнус.

– Думаю, нам нужно вернуться. Меня хватятся и будут искать. – Я печально вздохнула. – А мне бы хотелось остаться здесь навсегда.

Мы снова поцеловались.

– Составим план, – сказал Магнус. – Завтра я покажу вам карту острова.

В дом мы вернулись вместе.

И вот я сижу в своей комнате перед раскрытым дневником. Я так рада, что начала его. Я хочу навечно сохранить в нем каждое мгновение этого вечера. Это был самый счастливый день в моей жизни.

Но, думая об этом, я время от времени слышу грубый голос Десмонда Фезерстоуна. Только он портит воспоминания об этом дне. Интересно, что он имел в виду? Это озадачивает меня, бросает тень на счастье... омрачает совершенство.

30 июня

Сегодня днем приехал мистер Джеймс Кардью. Похоже, я вспоминаю о своем дневнике, только когда случается что-то чудесное или ужасное. Возможно, так оно и лучше. Если бы я записывала все, что происходит каждый день, это превратилось бы в невыносимо скучное занятие. А так, перечитывая дневник, я воскрешаю в памяти вспышки... и хорошие, и плохие.

Минуло уже больше месяца с того дня, когда мы с Магнусом признались друг другу в любви. Что за чудесный месяц это был! Мы разговаривали и разговаривали, словно не могли наговориться. Мы строили столько планов. Было решено, что он останется в Англии

на год, с тем чтобы за это время изучить приемы, которыми пользуются картографы в нашей стране. Его семья была не против, чтобы мой брат в обмен поехал к ним изучить их методы, и это, вероятно, случилось бы, если бы Чарльз был дома. Отец сказал, что Чарльз непременно захочет поехать туда, когда вернется.

Магнус должен провести здесь положенное время, ему самому этого хочется. Да, Магнус мечтает о свадьбе, но сейчас он с головой ушел в картографию и очень интересуется нашими методами. Я не стану его отвлекать, потому что пообещала себе, что ничем не помешаю его работе.

Мы решили, что в начале следующего года поженимся и я уеду с ним.

Он много рассказывает о Норвегии, о прекрасных фиордах и горах. Он показывал мне карты своей родной страны и то место, где стоит усадьба его семьи. Я была так счастлива! Я жила будущим и видела впереди идиллическую жизнь. Я увижу белые ночи. Я буду плавать у фиордов. Я стану ловить рыбу. Мы будем скакать через леса, а потом отправимся на поиски его острова... вместе... навсегда.

Он показал мне карту. На ней был отмечен остров. Он назвал его Райский остров.

– Он должен быть где-то здесь, – указывал Магнус. – Я изучил карты этого района, но он нигде не отмечен. Вот Соломоновы острова, недавно повторно открытые. Он должен находиться в нескольких милях либо к северу, либо к югу от них, не знаю. Но он где-то там, он есть. Эти острова были обнаружены не так давно, и большая часть моря здесь еще не изучена. Разве это не захватывающе? Думать о тех открытиях, которые мы совершим! Я сделаю еще одну карту и отдам вам. Тогда у нас обоих будут карты с моим Райским островом. Больше таких карт в мире нет ни у кого... Пока что. Берегите свою, Анна Алиса. Храните ее в надежном месте.

Карту я пока еще не получила, но, когда получу, спрячу ее подальше. Положу в комод вместе с дневником. Магнус не хочет, чтобы ее кто-то увидел. Думаю, он боится, что кто-нибудь найдет остров до него.

Отец и мачеха знают о нас с Магнусом, хотя, наверное, не догадываются, насколько наши намерения серьезны. Мне кажется, они думают, у нас обычный роман. «Юношеское увлечение», как они говорят. Они как будто забыли, что мне восемнадцать, а Магнус на три года меня старше. Родителям, должно быть, трудно понимать, что их дети выросли. Как это ни странно, совсем недавно мачеха говорила о том, что будет устраивать приемы, чтобы я познакомилась с будущим мужем. Кажется, они думают, что серьезным может быть только тот брак, который устроят они.

В последнее время здоровье отца ухудшилось. Иногда он кажется очень уставшим. Мачеха заботится о нем как никогда. Постоянно суетится вокруг, бежит к нему с пледом, если, когда он сидит в саду, вдруг подует прохладный ветер, подкладывает подушку ему под голову, когда он начинает дремать. А он постоянно бранит ее за то, что она носит с ним, как с калекой. Но как же это ему нравится!

Для меня стало огромным облегчением, когда вскоре после моего дня рождения Десмонд Фезерстоун исчез. Я боялась, что он прячется где-то поблизости, дожидаясь, когда я выеду на прогулку, но, к счастью, мои опасения не оправдались. Он уехал.

Все это я пишу для того, чтобы оттянуть тот миг, когда мне придется писать об ужасном.

Мы с Фредди поехали на двуколке в Грэйт Стэнтон. Там мы наведались в мастерскую и провели в обществе Магнуса прекрасный день. Возвращалась домой я в тумане счастья, и, когда мы вышли из конюшни, чтобы войти в дом, к нам подъехал всадник.

Остановившись, он поклонился.

– Не ошибусь ли я, предположив, что вы – мисс Мэллори?

Я удивилась. Мне его лицо показалось смутно знакомым, но вспомнить, кто это, я не могла.

– Да, это я.

– Я так и думал. Вы были гораздо моложе, когда мы встречались.

– Я вас вспомнила. Вы – друг моего брата. – Голос мой задрожал. Страшное предчувствие наполнило сердце.

– Мне нужно поговорить с вами. Вы позволите оставить лошадь в вашей конюшне и войти в дом?

– Что случилось? – воскликнула я. – Говорите сейчас. Что-то с братом?

Он с мрачным видом кивнул.

– Мы так волновались, – сказала я. – Он... умер?

Всадник ответил:

– Корабль пропал у берегов Австралии. Я – один из немногих спасшихся.

У меня все поплыло перед глазами. Я взяла Фредди за руку.

– Фредди, ступай найди тетю Лоис и скажи, что... у нас гость.

Я провела Джеймса Кардью в конюшню, и, пока конюх принимал лошадь, мы не произнесли ни слова.

Потом мы медленно прошли к дому.

– Вы не представляете, до чего тягостно мне приносить такие вести... – наконец заговорил он. – Но я должен был встретиться с вами... и вашим отцом.

– Спасибо вам, – ответила я. – Отцу в последнее время нездоровится. Позвольте, я сперва подготовлю его к разговору.

Отец, как обычно, дремал в саду. Я подошла к нему.

– У нас гость. Это мистер Кардью. Вы помните мистера Кардью? Он приезжал к Чарльзу... Перед самым отплытием. Папа, он принес очень печальные вести. Чарльз...

Никогда мне не забыть лицо отца. Он был сражен. Как будто состарился и лишился сил в одно мгновение.

Пришла мачеха, села рядом с отцом и взяла его за руку. Джеймс Кардью рассказал о плавании, об ужасной ночи, когда произошло кораблекрушение. Мне тогда показалось, что такова участь всех храбрецов, которые отваживаются бросить морю вызов. Я столько слышала об этом от Магнуса... Теперь история как будто повторялась. Только на этот раз она завершилась смертью.

Джеймс Кардью оставался у нас недолго. Я думаю, он посчитал, что его присутствие только усугубит наше горе.

Сегодня наш дом превратился в обитель скорби.

1 августа

Грусть не проходит. Мы не можем верить, что больше никогда не увидим Чарльза.

Мачеха делает все, чтобы как-то взбодрить отца. На следующий день после отъезда Джеймса Кардью у него случился очередной приступ. Мачеха позвала доктора. Он сказал, что причиной приступа стало перенесенное отцом потрясение. Оно и неудивительно. На этот раз приступ был особенно сильным. Отец слег надолго. Мачеха читала ему из Библии, что, кажется, его успокаивало.

Спустя несколько недель отец поднялся. Первым делом он поехал в Грэйт Стэнтон к своему адвокату.

Вернувшись, он поговорил со мной.

– Понимаешь, Анна Алиса, это все меняет. Смерть Чарльза означает, что линия Мэллори прервется. Веками в этом доме жили Мэллори. Теперь цепочка разорвана.

– Имена имеют такое большое значение? – спросила я.

– Фамилии имеют. Люди придают очень большое значение родовым фамилиям. Теперь мне придется думать о судьбе этого дома и обо всем остальном. Если ты выйдешь замуж и уедешь из страны, что тогда? Семья рассеяна... Фамилия утеряна. Чарльз жил бы здесь.

– Я поняла, – сказала я. – Но так ли это важно, в самом деле? Люди должны быть счастливы. Они находят счастье с другими людьми, а не с домами или фамилиями.

– Ты говоришь как влюбленная девица. Это Магнус, верно?

– Да, Магнус.

– Толковый юноша. Он много путешествовал и любит картографию... Так, как я ее никогда не любил. Мастерс такой же. Некоторых это захватывает. Мастерс говорит, Магнус – картограф от Бога. Да и тяга к приключениям у него в крови. Чарльз был таким. – Он немного помолчал и прибавил: – Мне нужно повидаться с Грэмптоном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.